

Юрий и Вера
Каменские

ВИТЯЗЬ
СПЕЦИАЛЬНОГО
НАЗНАЧЕНИЯ

Юрий Каменский
Вера Каменская
Витязь специального
назначения. В гостях
хорошо, а дома нету...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22471618
ISBN 9785448358395

Аннотация

...Если бы не классное владение мечом, молодой воин уже бы погиб. Но всё равно, не подоспей они, он был бы обречён. Разок лишь оступись или сбейся с ритма, и твари не дадут ему второго шанса. Танцуя этот страшный танец, парень что-то, не переставая, выкрикивал, видимо, свой воинский клич. Однако, ни прислушиваться, ни любоваться времени не было. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Об экстремальных последствиях обычной вечеринки	6
Глава 2. О некоторых неудобствах в связи с известностью	51
Глава 3. Встречи на высшем уровне	103
Глава 4. «...Если есть там соловьи, все разбойники...»	123
Конец ознакомительного фрагмента.	126

**Витязь специального
назначения
В гостях хорошо,
а дома нету...**

**Юрий Каменский
Вера Каменская**

Дизайнер обложки Юрий Борисович Каменский

© Юрий Каменский, 2024

© Вера Каменская, 2024

© Юрий Борисович Каменский, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4483-5839-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Светлой памяти Панкратьевой Вики,
вложившей всю свою душу в то, чтобы эта книга
увидела свет.**

*Мы, словно лошади, тянем свой воз,
О луге мечтая и вольных степях.
И вдруг всё исчезло – и грязь, и навоз,
Трава под ногами зелёная – Ах!
Мы солнышку рады, тепло и светло,
По лугу гарцуем, что есть только сил,
Но только от скачек живот подвело,
А нас в это время хозяин кормил...
И солнышко скрылось, и ветер подул
И волки завyli у дальнего брода,
И кто-то пугливый в душе вдруг шепнул:
– Зачем тебе, дурень, **такая** свобода?*

Глава 1. Об экстремальных последствиях обычной вечеринки

*В этой жизни на каждом шагу западня,
Я по собственной воле не прожил и дня
В небесах без меня принимают решенья,
А потом бунтарем объявляют меня.
Омар Хайям, «Рубаи»*

Семичасовая электричка дала пронзительный свисток и тронулась, набирая скорость. Четверо мужчин с большими сумками, пересмеиваясь, двинулись по тропинке через лесополосу. За их спинами басовито гукнул встречный товарняк и тяжело сотрясая землю, загрохотал, натруженным лязгом сцепок и колёс на стыках.

А они окунулись в пахнущую берёзовой листвой и травой прохладу тени, ненадолго спрятавшись от жаркого солнца. Короткий перекур и они тронулись, под удалявшийся вдаль перестук колёс. Словно возникнув из небытия, рассыпалась дробь дятла, скрытого в зелёной кроне, попискивание мелких пичуг и шорох листвы. Извивающиеся, узловатые корни замысловатым узором пересекали натопанную, довольно широкую тропу, грозя зазевавшимся путникам бесславным падением.

Хотя они не были похожи друг на друга в общепринятом

смысле, легкая походка, выправка в сочетании с короткой стрижкой выдавали в них людей, которые либо носят форму, либо носили ее раньше. Что, в общем, истине вполне соответствовало.

– Борисыч, – степенно обратился к самому старшему в компании здоровенный краснолицый Слава Клименко. – Идти-то далеко?

– Да ну, пустяки, – махнул рукой Георгий Борисович, высокий подтянутый мужчина лет сорока пяти. Коротко стриженные волосы, рыжеватые усы, крупный нос с высоким покатым лбом – все это придавало бы ему хищный вид, не будь мягкой усмешки, таившейся в уголках губ. Впрочем, когда надо, от этой усмешки у иных мороз продирает по коже, – два локтя по карте, потом денек на оленях...

– А ты чего, Толстый, от этого волчары ждал? – хмыкнул невысокий темноволосый крепыш – Дроздов Василий Викторович по кличке Соловей, – Мент, он и в Африке мент.

– Тебя не спросили, птичка певчая, – шутя, огрызнулся Слава. Хотя Дроздов был на десять лет старше, к тому же имел за плечами двенадцать лет службы в милиции, – но, это не мешало Клименко устраивать «мэтру» выволочки за тягу к выпивке и сильную любовь к слабому полу.

У Васьки, как и у всех, рожденных в год Обезьяны, язык был подвешен великолепно. Толстый, который обычно говорил хоть редко, но метко, как-то резанул: «Вроде Дроздов, а поешь, как соловей. Непонятная какая-то птица». После

чего Василёк навеки стал Соловьём, что, впрочем, нимало последнего не смутило. «Главное – не дятел и не петух» – прозвучало его резюме.

Прохлада перелеска внезапно кончилась, в лицо дохнуло жарким воздухом сибирского лета – медовым запахом разнотравья и сена. Перед ними разлеглась зеленая степь, в незапамятные совковые времена бывшая колхозным полем. Уходила за горизонт пыльная грунтовка, там и сям зеленели березовые околки, стояли среди стерни свежие стога.

Все они, ошеломленные открывшимся их глазам пейзажем, уставились на «аборигена» с недоумением – такие тупые приколы были не в его духе. – просто не тот уровень.

– Так, Борисыч, – подал голос четвертый, спортивного склада мужчина в возрасте лет около сорока. – Где деревня-то? Сам скажешь или пытаться придется? Если покаешься, просто не больно зарежем.

– Ты как дитё малое, Андрей Василич, – увещающим голосом ответил вопрошаемый. – Все бы тебе утопить да зарезать... Шаловливый вы народ, «пираньи».

Пираньей он Андрея называл в шутку с легкой руки известного писателя Бушкова. До выхода на заслуженный отдых Василич окаянствовал в одном из подразделений «боевых пловцов». Чистое доброе лицо с ямочками от улыбки на щеках, бархатный голос, мягкая походка – в общем, тот еще подарок.

– Нет, Борисыч, хорош смеяться, – поддержал начальника

Соловей. – Ты говорил, что от остановки километра полтора, а тут же... Степь да степь кругом.

– Тихо, тихо, – засмеялся старшой. – Вы же не выюноши зеленые, а мужи зрелые. Какого ж хрена всполошились, как куры у овина? Ну, ошибся товарищ километров на пять-десять. Так он уже старый, ему по штату положено, он, может, скоро под себя какаться начнет. Где ваша, блин, толерантность, вы христиане или уже где?

Он размашистым шагом двинулся вперед, друзья, переглянувшись, двинулись следом. Шагали молча, поднимая ногами легкую пыль и слушая стрекотанье кузнечиков, доносящееся из высокой, по пояс, травы. Перед ними, словно показывая путь, семенили, покачивая длинными хвостиками и вспархивая, юркие трясогузки. В небе тоненько звенели серебряные колокольчики, но самих жаворонков углядеть в вышине было невозможно.

Было душно, как перед грозой. Не помогал даже легкий ветерок, гнавший по траве седовато-зелные волны. Дремотной истомой исходила земля. Хотелось упасть в пахучее сено и, раскинув руки, бездумно уставиться в небо, а не мерить шагами горячую от зноя дорогу.

Едва они прошли метров сто пятьдесят, как из-за плавных изгибов местности неожиданно вынырнули крыши домов и макушки сосен, у Славика от неожиданности сорвался матерок.

– Вот, именно. – усмехнулся Борисыч. – Чем мне эта дере-

венька колхозная и нравится. Случайный человек сюда просто не пойдёт. Зачем? Со стороны глянуть, так чисто поле и только.

Колхозной эта деревенька была давным-давно. Потом задули ветры перестройки, колхоз развалился, а поля заросли разнотравьем. Жители, ища работу и лучшей доли подались в город, однако, дома продавать не стали. Сама деревня была основана в тысяча девятьсот седьмом году столыпинскими переселенцами, которые в поисках удачи не побоялись всей своей белорусской вёской рвануть в богатую землями и необжитую Сибирь. Вот потому, потомки их свою землю ценили и отказываться от неё были не намерены.

Чужих «дачников» здесь практически не было – все свои. Фактически это была община. Все коренные жители приходились друг другу родственниками, приезжавшие семьями на выходные дни, а то и перебивавшиеся в свои старые, но ещё крепкие дома на всё лето. Возились в огородах, рыбачили на озере, пили самогонку по праздникам и пели песни у костров. Двое патриархов. – бабушка Галина Савельевна, усатый здоровый дед Павло Иванович, и, на особицу от других, куркуль Мельник, жили в деревне постоянно.

Вера, жена Георгия Борисовича, сумела найти общий язык с обоими старейшинами. Потому деревня приняла их легко и держала за своих. Сейчас, когда картошка была уже выкопана, а урожай засыпан в погреба и расфасован по банкам, в солёно-маринованном виде, «горожане» разъехались.

И его неунывающая подруга жизни, тоже решила смотаться на пару дней к дочери в соседнюю деревню.

Они свернули с пыльной дороги на узкую тропку, что петляла среди густой травы и выскакивала на ухоженный огород. Где ещё лежала подсыхая картофельная ботва, бугрились оранжевые шары тыквы и вороватые стайки воробьёв шныряли среди кукурузных листьев. Вот тропка прошмыгнула мимо стоящих во фронт подсолнухов и миновав баньку нырнула во двор. Тут приветливо встречала гостей крепенькая сосна, покачивая зелёными лапами с молодыми шишками. Хозяин отомкнул висячий замок, широко распахнул перед гостями входную дверь на большую веранду, залитую лучами солнца.

– Добро пожаловать, господа.

Компания, сбросив тяжеленные сумки, быстро переоделась и рванула к озеру, что приманчиво играло бликами на воде. Вода смыла пот и усталость, подняла настроение и мужики, словно расшалившиеся мальчишки, затеяли весёлую возню. Подурковав вволю, они, уже не торопясь, пошли к дому, на ходу подхватывая одежду.

...Солнце, устало опустившись за дальние сопки, окрасило край неба багровым закатом, но ему на смену выкатилась луна и подслеповато заморгали первые звёзды. Но облегчения не наступило, нагретая за день земля остывала медленно и воздух, по прежнему оставался тяжёлым и душным.

Горел в мангале огонь, дымок разгонял мошку, что зверствовала и не давала покоя повсеместно. Клименко с сосредоточенным видом нанизывал на шампуры куски маринованного мяса, помидоры и кольца лука. Строго говоря, хорошо готовить шашлык умели все присутствующие, но по складу характера Толстый был просто не в силах доверить такое важное дело даже своим друзьям.

Пока Георгий Борисович с Андреем нарезали овощи, хлеб, сало-колбасу, Василек нарезал круги возле холодильника, без трепета принявшего в свое стылое чрево и кристально прозрачную слезу водки и янтарь тяжело плещущегося в больших бутылках пива. Друзья, посмеиваясь, созерцали эти муки Тантала, жёстко пресекая робкие намеки. – питье водки под шашлык есть важнейшая составляющая русской национальной культуры и профанации не терпела. Не так часто Судьба дарила им такой шанс. – не только отдохнуть по-человечески, но еще и собраться всей компанией.

– Если *кто-нибудь*, – умышленно глядя мимо Соловья, веско произнес Слава. – будет совать рыло в холодильник, порву, как Тузик грелку.

– «Кто еще кого порвет, – сказала Тузику надутая до десяти атмосфер грелка», – Васька, как обычно, за словом в карман не полез, но угомонился и, тоскливо вздыхая, с видом зазря обиженной злою мачехой сиротки уселся в угол.

...Дружный мужской сабантуй шел своим чередом. Ярко светила лампочка над столом, распахнуты настеж двери, а за порогом рдели в темноте огоньки мангала. Накрытый на веранде стол носил следы небольшого разграбления – наполовину пустая бутылка водки, куски остывшего шашлыка в тарелках.

В открытую дверь вливались запахи травы и дыма от остывающего мангала. Зашумела под налетевшим невесть откуда ветерком стоящая во дворе сосна и зашептала о чём-то своём. Попискивала какая-то ночная пичуга, слышался дальний лай собаки, гогот потревоженных гусей. Изредка до их слуха долетал приглушённый перестук колёс товарных составов, визгливый свисток поздних электричек. Пёстрая кошка шмыгнула в избу с придавленной мышью в зубах, неся свою добычу котяткам на забаву. Всё это навевали тихую благость, склоняло вести неспешную беседу.

Тема, в общем, значения не имела. На сей раз всегда прагматичный Славик решил «воспарить над суетой». Видимо, только что закончившийся по телевизору «Каспер» настроил его «на лирический лад».

– Василич, ты с привидениями сталкивался?

– Нет, – рассеяно отозвался Андрей. – Всегда удачно расходились.

– Ага, – радостно подхватил Соловей. – И всегда при этом вежливо раскланивались.

– Насмотрелся «ужастиков», – лениво констатировал Бо-

рисыч.

– Вам только языком чесать, – махнул рукой Клим, – Но ведь *что-то* есть?

– Ну, *что-то*, безусловно, есть, – прищурился Андрей. – Ну, с этим ты лучше к Борисычу. Это он у нас Вуду, астролог и Бог знает что там ещё...

– Добрый ты, Андрей Васильевич, – хозяин сделал страдальческое лицо. – Взял так ненавязчиво и под танк меня...

– Танк – это ты, Толстый, – со вкусом прокомментировал Васька, блаженствуя вдали от своей ревнивой половины.

То, что поводов к этому у неё было более чем достаточно, его не смущало.

– Нет, Борисыч, серьёзно, – гнул своё настырный Славка.

– Ну, что тебя серьёзно интересует, неугомонный ты наш?

– Мужики, – оживился Соловей. – Я читал недавно, что моменты провалов людей во времени учёные отследили по полицейским архивам.

– В смысле? – заинтересованно развернулся в кресле Георгий Борисович. – По отчётам, что ли? В таком-то году доклад, что мещанин Иванов ушёл из дома и не вернулся...

– Хрен! – радостно возопил Василий Викторович. – Ещё круче! Хотя, в целом, поляну просёк верно. Только пример был по Великобритании. Значит, полицейский чин Бобсон... ну, на даты и фамилии у меня память не «ах»...

– Рождённый пить..., – бросил, жизнерадостно скалясь, Славик.

– Морда толстая! ...я «от фонаря». В общем, докладывает рапортом: так, мол, и так, сегодня, 15 апреля тысяча восемьсот лохматого года, рабочий каретных мастерских Добсон, переходя среди бела дня мостовую по улице Пупкин-стрит, пропал прямо перед изумлённой мордой лошади извозчика Педерсона, чему свидетелями были такие-то и такие-то, список, в общем, фамилий на пять...

В дверь посунулась морда большого лохматого пса, решившего «по соседски» заглянуть на огонёк. Вежливо потоптавшись на пороге, войти внутрь он, всё же, не решился. Уронил тяжёлую задницу на крыльцо и вытянул мощные лапы на порог, положил на них умную морду и уставился на Соловья, как бы говоря: «Ну-ну, ври дальше». Кошка, озаботив потомство играми с мышкой, вынырнула из сеней. Подойдя к лохматому приятелю, боднула его головой в морду и пристроилась рядом. Мужики с интересом наблюдали за этой, не совсем обычной, картиной. Первым опомнился Толстый.

– А дальше-то что? – подтолкнул он в бок Ваську.

– Дальше, ещё интересней. Погоди-ка. – прервавшись, он нацепил на вилку солёный огурчик и шпротину, аккуратно уложил на кусочек хлеба.

Придирчиво оглядел закуску и, выплеснув остаток водки в рот, с удовольствием захрупал тарталетку и продолжил.

– Через пятнадцать, к примеру, толстых папок, обнаруживается пожелтевший рапорт полицейского инспектора Питкина, что среди бела дня прямо посреди мостовой по улице

Пупкин-стрит, такого-то числа тысяча девятьсот, к примеру, одиннадцатого года, под лошадь извозчика...

– Кэбмена, – не выдержал Андрей.

– Один хрен... Кэбмена Подсона попал неизвестный человек. Извозчик... тьфу!.. кэбмен клянётся на Библии, что пострадавший появился перед лошадыю прямо из воздуха. Что самое интересное, это утверждение подтверждается показаниями трёх-четырёх-пяти прохожих. – Васька прикурив от зажигалки, с наслаждением вдохнул табачный дым и обвёл взглядом друзей.

– А сам потерпевший называет себя рабочим каретных мастерских Добсоном, придя в себя, озирается кругом и, выкатив глаза, вопрошает всех: где он находится и как сюда попал? Ибо последними его воспоминаниями перед ударом лошадиной груди были, аккурат, та же самая улица, только 15 апреля тысяча восемьсот лохматого года. И таких примеров, как утверждают, не счесть.

– Викторыч, ты должен помнить те пачки дел в кабинетах розыскников¹. Они все, кстати, говорят, что такое количество криминалом и несчастными случаями не объяснишь – несоизмеримо. Согласен?

– Естественно, – отозвался Соловей. – Акела, ты не промахнулся.

Позывной «Акела» Борисыч приобрёл на Северном Кав-

¹ Розыскник – опер, работающий по линии розыска преступников и без вести пропавших.

казе, будучи там в одной весёлой командировке. После одного случая сержант Вадик, поддразнивавший его «старой собакой» (как родившегося в год Собаки), назвал его «старым волком» и, засмеявшись, добавил «Акела!»

С тех пор по рации его весь отряд называл только так, а нередко и просто в разговоре. В охране он по привычке пользовался старым позывным. У Славы с Василием позывные были, соответственно, Клим и Соловей.

– Слушайте, мужики, – задумчиво потёр румяную щёку Клим. – Как же так получается? С одной стороны – всё это рядом, с другой – никто про это ничего не знает.

– Парадокс, – пожал плечами Андрей.

– Настоящая истина всегда парадоксальна, – заметил хозяин дома.

– Кто это сказал? – поинтересовался Соловей.

– Как, кто? Я.

– Ну, ты даёшь, Борисыч. Я думал, кто-то из классиков.

– Ну, погоди немного, я же живой пока.

– Да он и сам прекрасно понимает, – махнул рукой Андрей. – Просто сделал тумблер «дур» в положение «вкл».

– А всё-таки? – поддержал друга Василий.

– В смысле «всё-таки»? – уже, слегка раздражаясь дотошностью товарищей, спросил Георгий Борисович. – Всё это интересно, пока самого не зацепило. «Кинжал хорош для того, у кого он есть...»²

² Фраза Чёрного Абдуллы из культового боевика «Белое солнце пустыни».

– Стреляли... – хмыкнул Соловей.

– Саид, почему у тебя седло мокрое? Стреляли..., – поддел друга Славка.

– Тьфу, на тебя, – обиделся Васька.

Но, обладая хорошим чувством юмора, он засмеялся.

– Гады вы, но без вас ску...

Закончить ему не дал доселе мирно лежавший, а теперь вскочивший на лапы пёс. Короткий, то-ли рык, то-ли вой и вздыбив шерсть на загривке, он в мах рванул к знакомой дыре в заборе, а взгорбившая спину кошка с шипением метнулась к котяткам. Поведение животных привело всех в недоумение.

– Слушайте, что это за тишина какая-то странная?

Лампочка под потолком, мигнув, погасла, погрузив мир в беспроглядную тьму.

– Финиш, – прокомментировал хозяин дома. – Опять где-то провода оборвало. Слава Богу, что лето, а не зима.

Выглянув на улицу, они, со всё возрастающим удивлением, смотрели на затянутое темными клубящимися тучами небо, поглотившие незадолго до этого выкатившую луну вместе со звёздами. Со стороны железной дороги погасло зарево от станционных фонарей, да и в самой деревне, несмотря на «детское время» не светилось приветливыми огоньками ни одного окошка. Странное безмолвие накрыло Леоновку. Не было слышно голосов ночных птиц, лая собак и сонных вздохов соседских коров в хлеву. Пропало в давящей

тишине, даже стрекотание кузнечиков и кваканье лягушек у озера.

– Что за хрень? – почему-то шепотом спросил Василий.

Словно бы отвечая ему, небо вдруг распорола гигантская ветвистая молния, секунды через две громыхнул такой раскат, что мужчины невольно втянули головы в плечи. А затем началось настоящее светопреставление.

Яростные порывы утробно гудящего ветра с сокрушающей силой били в стену. Дом жалобно поскрипывал под ударами шквального ветра, с улицы слышался треск ломаемых сучьев. Где-то, кажется, в бане, захлопал оторванный лист железа, звонко разлетелось стекло в одной из шипок окна веранды. С победным свистом ворвалась внутрь струя ветра с дождем, разметав легкие предметы и залив водой стол. По уцелевшим стеклам ливень стекал сплошным потоком.

Забыв обо всём, люди заворожено смотрели на вспыхивающие одна за другой и распарывающие тучи молнии – то желтые, то ослепительно-белые, то с каким-то зловещим фиолетовым оттенком. Свет их на миг выхватывал из темноты куски пейзажа. – вздыбленную крону сосны, раскорячившийся куст черноплодки с кипящими струями воды у корней. С крыши низвергался настоящий водопад. Картинки эти выглядели сюрреалистически, вызывая чувство, близкое к страху. Никто ничего не говорил, все заворожено наблюдали этот неожиданный приступ ярости, так некстати случившийся у Матушки-Природы.

Но вот, что-то стало меняться, – небо посветлело, чернильно-чёрные громовые тучи умчало вместе с ветром и стало ясно, что гроза выдохлась. Серые облака разбредались, как стадо беспризорных баранов, открывая глазам яркие звёзды. С неба ещё моросило, но это был уже просто дождик, без всякой запредельщины. Прилетевший ветерок угнал эти ключья и дождь прекратился совсем. В наступившей тиши было слышно, как с кустов и крыши падают капли, журчит сбегаящая под уклон вода. Лица овевало прохладой. Дышалось легко, пахло озоном.

Вдали ещё были слышны раскаты уходящего грома, на горизонте мелькали всполохи молний, освещая его фиолетово-чёрную кайму. Замершая было деревня стала подавать признаки жизни. – робко гоготнули гуси, заблеяли овцы, протяжно замычала корова. Словно проверяя голос, неуверенно брехнула где-то собака, внеурочно заорал петух и, словно испугавшись собственной смелости, замолк.

Чиркнув зажигалкой, Слава глянул на наручные часы и присвистнул от удивления. – вся эта вакханалия, оказывается, длилась чуть больше десяти минут. Любой из них поклясться был готов, что не меньше часа. Вспыхнул потрескивая огонёк свечи, зажжённой хозяином, разогнав темноту по углам и привнёс в окружающее уют. Когда же Борисыч хотел позвонить в аварийную службу энергетиков, он с удивлением обнаружил, что «иконки» антенны на дисплее мобильного нет. Остальные три телефона показали то же са-

мое. Плюнув, вся компания решила, что утро вечера мудренее, и завалились спать.

...Акеле снился какой-то странный лес, к которому более всего подходило определение «сказочный». С огромных кедровых и сосновых стволов свисали лишайниковые бороды, сорвалась с места вспугнутая семейка косуль, мелькнув напоследок белым подхвостьем и скрылась в чаще. Небо почти не просвечивало между могучими кронами. По толстым ветвям, роняя хвою и всякий мусор, гналась за удирающей белкой хищная куница. Пахло чем-то теплым и прелым, пружинила под ногами вековая подстилка из веток и рыжей хвои.

Во рту пересохло, сухой язык царапал небо, очень хотелось пить, но он шел и шел, а никакого ручейка или озера по дороге не попадалось. В самом начале, правда, попался маленький бочажок, но плевок на его поверхности и не подумал расплываться. – значит, вода для питья не годилась. Мысленно поблагодарив Деда³ за науку, Акела двинулся дальше, забрасывая на ходу в рот чуть недозрелую бруснику, которой было под ногами просто тьма-тьмушая.

Почему-то он совсем не удивился, когда, выйдя к большому дому, стоящему посередине большой поляны, понял: Пришел! Это был именно дом, а не какая-нибудь избушка на куриных ножках. Добротный, массивный домина, сложен-

³ Дед – прозвище Кадочникова Алексея Алексеевича, мастера русского рукопашного боя, автор многих разработок по школе выживания.

ный из потемневших от времени массивных бревен. Забор из толстых плах, дубовые ворота, рядом такая же мощная дверь из дубовых досок.

А на двери желтела бронзовая ручка старинного звонка тех времен, когда электрических звонков еще не делали. Звонки звенели просто от чисто механического поворота ручки. Это устройство почему-то показалось очень неестественным и неуместным в этой обстановке, как если бы на брусчатке, запруженной каретами, ландо и прочими анахронизмами, вдруг проскользнула бы серебристая «Ауди».

Акела крутанул ручку. – звоночек тренькнул, за калиткой послышалась непонятная возня и сопение. Щелкнул запор и дверь легко, без скрипа распахнулась, открыв его взору поросший травой двор, высокое крыльцо и яблоню, тянущую отяжелевшие плодами ветви к окошку с распахнутыми ставнями. А под ней приземистый стол из потемневших от времени и дождей плах. «И как только, эта яблонька зимой не вымерзает? – пришла в голову мысль.

– Заходи, коли пришёл.

Он вздрогнул и опустил глаза. На него в упор смотрела симпатичная девчушка лет семи-восьми, не больше. Чёрные длинные косы были заплетены линиялой ленточкой зелёного цвета, взгляд изумрудных глаз смущал, какой-то открытостью и, одновременно, серьёзностью. Возле неё топтался годовалый медвежонок и шаловливо бодал юную хозяйку лобастой башкой.

– Входи, гость дорогой. Заждалась я тебя.

Акела сдержал улыбку. Очень уж забавно это прозвучало из уст такой крохи. Он шагнул через порог.

– Спасибо, хозяйюшка, только откуда же ты знала, что я сюда иду?

– Эвона, – махнула маленькой ладошкой девочка. – Мне дядька Леший когда ещё сказал: «Ставь самовар, к тебе в гости витязь идёт». Мишутка, помоги принести, мне его с водой не поднять.

Сочтя за благо не задавать лишних вопросов, Акела наблюдал. Мохнатый помощник, умчавшийся в дом, сопя и забавно косолапя, послушно вынёс во двор огромный начищенный самовар. Водрузив этот раритет на стол, довольно шустро приволок поднос с угощением и вопросительно посмотрел на хозяйку. Получив за работу пряник, довольно заурчал и, сглотив его, почти не жуя, скатился с крылечка. Из-за угла дома вывернул второй медвежонок – видать, братец. Сцепившись в потешной схватке, они забарахтались на мягкой траве.

– Садись. Гость дорогой, в ногах правды нет. Чаёвничать будем.

– Это мы запросто, – согласился он, присаживаясь к аппетитно накрытому столу.

Мёд, варенье трёх или четырёх сортов, масло, свежие даже на вид румяные баранки с маком – лепота. Какое-то время они со вкусом пили янтарный, пахнущий дымком чай. По-

ставив на стол чашку, она утомлённо вздохнула, вышитым рушником отёрла покрытый мелкими бисеринками пота лобик и степенно произнесла:

– Ну, спрашивай, витязь, о чём хотел.

Акела задумался.

– Почему ты меня ждала, если я сам не знал – куда иду?

И спохватился: «Дурак, нашёл о чём ребёнка пытаться!»

Но ребёнок и не думал смущаться.

– Да мы давно знаем, что вы придёте. Тебе не о том спрашивать надо.

– А о чём?

– Ох, какие же вы, люди, недогадливые. Тебе меня про меч-кладенец пытаться надобно, а ты всё про пустое говоришь.

– Ну, расскажи мне про меч-кладенец, – послушно сказал Акела и тут до него дошло. – Постой, постой, мы – люди, а ты-то кто?

– Кто я? – развеселилась девчонка, привстала из-за стола, развела над головой руки со скрюченными пальцами и сказала «страшным» голосом: – А я – Баба-Яга! Вот сейчас, как пообедаю тобой! Страшно?

– Ужасно, – с чувством сказал он и положил на блюде надкусанную баранку. – Вот, только сейчас уже не обед, а скорее ужин. А много на ночь есть вредно – я же, вон какой большой и... баранки всё-таки вкуснее.

Девчушка рассмеялась, словно хрустальный колокольчик с серебряным язычком позвонил.

– Какой же ты смешной! Так уж и быть, не буду тебя есть..

– А в сказках, если Баба-Яга добра молодца сразу не съест, то она его накормит, напоит и расскажет – где меч заветный искать.

– Я тебя уже накормила и напоила, сыт ли, гость дорогой? – сказала она уже абсолютно серьёзно.

– Сыт, спасибо, славница.

Девочка важно кивнула.

– Ну, вот, ... а где меч заветный – я сама не знаю.

– Вот те раз! – огорчился он. – А я так на тебя рассчитывал.

– Запомни самое главное – его нужно найти. Обязательно, слышишь? Без него никак нельзя. Понимаешь?

– Понимаю, – в тон ей ответил Акела. – Ну, что ж, ничего не поделаешь, придётся самому искать.

– Ну, гость дорогой, делу – время, потехе – час. Идти тебе надо. Слышишь, зовут тебя?

– Кто зовёт? – не понял гость.

– Борисыч! – услышал он Васькин голос. – Борисыч! Проснись! Да проснись же ты, ... твою мать!!!

Сбросив руку Дроздова, он сел на кровати и потрянул головой, освобождаясь от остатков сна. В это время в дверях появились Славка с Андреем. – они спали один в сенцах, другой в малой комнате.

– Ты чего орешь, как потерпевший?! Время пять утра! – заспанный Славка был спросонья зол не на шутку. – Вы-

спасться не дашь! Чертей гоняешь, что ли?!

Видно было, что Соловей был до глубины души оскорблен его словами.

– Да вы во двор выйдите! А там я посмотрю – кого вы гонять начнете. Умники, блин!

Друзья переглянулись – таким голосом не врут и не разыгрывают. Все молча вышли во двор и замерли. А что можно было сказать? Перед их глазами стояла стена леса, которого вчера не было. Да, в принципе, и не могло, и не должно было быть. Но он был и, к тому же, совершенно наяву. Там, где заканчивалась до боли знакомая грядка с тыквами, вместо просторных травяных полей стояли вековые стволы сосен и кедров. В точности, как во сне. Значит, сон в руку, будь он трижды неладен!

Вокруг, на расстоянии от двухсот-трехсот метров до полутора-двух километров, Леоновку огораживала всё та же стена огромных деревьев. Посередине этого безобразия, потеряв дар речи, стояли четыре представителя цивилизации людей начала третьего тысячелетия. Да и от самой деревни, что раньше тянулась на три километра, осталось немного, треть домов, не более, остальное как корова языком слизнула. Мда.

– Ну, ни хрена себе... – медленно произнес Андрей.

– Накаркали называется, на свою голову, – присвистнул Толстый.

– А кто начал? – тут же язвительно напомнил ему Васька.

– Предлагаю позавтракать, попить кофе и заодно подумать – что это за хренотень?

Все трое глянули на Борисыча с таким изумлением, словно он предложил, как минимум, отправиться в крестовый поход на сарацин. Переглянулись, приходя в себя, и молча пошли в дом.

... На растопленной, по случаю локального энергетического кризиса, печи парил носиком выуженный из закровов жены старый, алюминиевый чайник. В кастрюле булькала, исходя аппетитным парком, молодая картошка, с огорода принесли, свежую зелень. Кофе, слава Богу, был растворимый, а мяса, колбасы и прочей снеди со вчерашнего дня осталось ещё достаточно.

– Ну, что скажете, господа? – первым нарушил молчание Андрей.

– Что мы в таких случаях говорим, ни одна самая отморозенная газета напечатать не решится. – усмехнулся Акела.

– Я серьезно спрашиваю, Борисыч.

– Давайте выпьем по сто грамм, а то голова у меня сейчас такие проблемы решать не способна. – бодро предложил Василек, блудливо кося глазом на холодильник.

– Когда врежешь стопарь, она у тебя вообще думать откажется. – безжалостно парировал Борисыч.

Но, открыл холодильник и достал не успевшую нагреться за ночь полуторалитровую бутылку «Жигулевского».

– А вот теперь, – сказал он, разлив пенный напиток и присев к столу сделал первый глоток. – Прошу вас. По вековой традиции начинает самый младший. Дерзай, Славик.

Клим смущенно пожал широченными плечами.

– Не, мужики, тут я пас. Как так может быть? Целый кусок деревни перенёсся куда-то к черту на кулички. Я такое только в кино видел. Ерунда какая-то...

– Василий Викторович? – Акела вопросительно глянул на Соловья.

– А хрен его знает, – откликнулся повеселевший Васька.

– Вот молодец. – засмеялся Борисыч. – Опохмелился и пофиг ему и время, и пространство. Наш человек! Ну, Андрей Васильевич, Ваша очередь, прошу.

– Как генерал Лебедь, царство ему небесное, все в двух словах сказал – «Фантастика. А для прочих выводов информации пока недостаточно».

– Согласен. – лаконично подытожил Акела. – Значит, мы заканчиваем завтрак и идем на разведку. Правильно я Вас понял, господа?

...Пока укладывали продукты в рюкзак и сумку с наплечным ремнем, Соловей незаметно куда-то пропал. Возник он через минут пять-семь, «дыша духами и туманами». Уселся на табуретку и, поставив на колени сумку, посоловевшими глазами благосклонно наблюдал за сборами. Никто на это не прореагировал – давно надоело.

– Ну, что, тронулись? – Толстый поправил рюкзак за спиной. – Но если ты, Соловей, сдохнешь, имей в виду – никто тебя на загорбке не потащит.

– Стоп, мужики, – Борисыч озабоченно потер лоб. – Дом Савельевны, по-моему, тоже попал в эту временную зону. Давайте-ка я быстро сбегая, проверю, нехорошо бабку одну бросать, она же рехнется с перепугу.

– Это, которая у вас здесь в старейшинах? – сообразил Толстый, более других наслышанный о местных нравах. – Давай, старики тоже много чего знают. Может она в курсе?

Хлопнув калиткой, Акела быстрым пошел по знакомой улице. Повсюду видны следы ночной катавасии. Валялись обломанные ветви, оборванные провода, а сломанный старый тополь перегораживал дорогу. У сваленного забора прибитые ветром смятые вёдра и какие-то банки, а вот здесь завалило сарай. Через пару минут на фоне «сказочной тайги» показались два вросших в землю бетонных кольца и небольшой домик с темно-зеленой сосёнкой в палисаднике – по ним он всегда узнавал домик Галины Савельевны среди всех прочих, когда шагал верхней дорогой от станции домой.

Она встретила его во дворе. Голова старухи привычно подвязана платочком, тёмная юбка и тёплая кофта, в руке ведро с водой – скотину, видать, поила. Полное румяное лицо выглядело растерянным.

– Юра, что это еще за выкрутасы? Выхожу утром корову

подоить, а тут такое, что на уши не натянешь! Что приключилось-то нонче? И куда деревня-то наша провалилась, прости, Господи?...

– Галина Савельевна, сами ничего пока не знаем. У меня мужики в гостях были, когда все это началось...

– Кто хоть был-то, я знаю?

– Один первый раз, вы его не видели. Другой Славка Клименко.

– Это, который здоровущий?

– Он. И Васька Дроздов.

– А-а, и этот брандахлыст тоже здесь, – она печально глянула на улицу с коротким рядком домов и вздохнула. – Почитай, полдеревни как корова языком слизнула. Может, ещё кто живой остался?

– Кто остался, давно бы на улицу повыскакивали. Сейчас надо кругом оглядеться, а то, может быть, это даже и не Земля уже.

– Да нет, – остро глянула на него бабка, – Я же рано вышла. Венера над горизонтом стояла, как обычно. Только, вчера... постой-ка... она ж вчера с вечера в небе стояла!

– Вот и будем посмотреть, куда это нас закинуло. Может в другое измерение, – вздохнул Акела.

– А оно нам надо? Вера твоя в отъезде да и Андрюха мой, тоже в город к сыну с гостинцами подался. И где нынче город-то тот будет?

Савельевна пригорюнилась.

– Галина Савельевна, вы тут неделю продержитесь одна?

– Да, я и год проживу – не охну, что мне сделается? Молоко, яйца свои, картошку только позавчера убрали да в подпол ссыпали. Муки, круп, чаю и сахару полно, постного масла немеряно. Я-то со своим весом давно не ходок, а тут ещё и дед мой обезножил, вот детки и постарались загодя нам закрома под завязку набить, на всю весну-осень-зиму завезли. Подождите часок, я вам с собой пирожков в дорогу напеку...

От пирожков, как ни заманчиво это звучало (пироги у Савельевны были – пальчики оближешь), Акела отказался. Как ни настаивала она (а характер у бабки был – ой-ой-ой, куда там какой-то скале), он вышел со двора и двинулся обратно.

До родной калитки оставалось метров десять, когда кусты, в которые, согласно новой диспозиции, упиралась дорога, зашевелились. И, под треск ломаемых веток, на дорогу выбрался... дракон. Практически, такой, каким его изображали на сказочных иллюстрациях. Ростом в холке с добрую корову, длиной метров восемь и небольшая голова с *очень* зубастой пастью. Картину дополняли костистый гребень от затылка до кончика хвоста, чешуйчатая шкура, на спине сложены кожистые, как у летучей мыши, крылья.

Глаза рептилии в упор уставились на замершего человека. Однако, гадина, вопреки ожиданию, не ринулась вперед, а, приподнявшись на задних лапах, широко распахнула пасть. Тренированное тело среагировало само, «рыбкой» швырнув хозяина за забор палисадника. Ноги обдало жаром – из пасти

пресмыкающегося ударил натуральный огнемёт!

Все это он зафиксировал уже краем глаза, ввинчиваясь по-пластунски сквозь опалённые кусты сирени за угол дома. Вслед ему неслось громкое шипение разъярённого гада. Оказавшись там, Акела вскочил и, обогнув дом, двумя бросками оказался у входной двери. Навстречу бомбой вылетел Славка, за ним перетек на улицу Андрей и встал рядом за косяк с поднятым пистолетом в руке.

– Ты со стволом? – мимолетно удивился Акела. – Всё видели? Бегом хватайте вещи, не то нам эта гадина сейчас ноль-Один устроит!

В это время со стороны ворот послышался характерный треск ломающегося дерева. Быстрый обмен взглядами показал, что все поняли – уйти не удастся. Шипение и рёв ископаемого подтвердили этот вывод – хищник не собирался оставлять добычу в покое.

Толстый подхватил колун, стоящий у дверей, Андрей плавно переместился чуть дальше, держа ствол на уровне глаз. Взгляд Акелы упал на стоящее, на крыльце ведро, до краёв наполненное прозрачной, даже на вид ледяной, колодезной водой.

В романе Пола Андерсона «Три сердца и три льва» герой плеснул в пасть дракона холодную воду и там произошёл взрыв, как в паровом котле. Одновременно с возникшей в голове мыслью он схватил это ведро, а дальше события скачком перешли в иной временной режим.

Вот из-за угла на уровне лица выползает разинутая пасть рептилии. Вода, в ореоле бриллиантовых брызг, сверкающим бесформенным комом плывёт точно в распахнутый зев. Колун в руках Клима, описав плавную дугу, шмякает в голову твари, правый глаз дракона, как бы, взрывается, выплёскивая черную, похожую на дёготь, жидкость. Другая часть сознания слышит за спиной резкие хлопки пистолета: выстрел! другой! И рёв, переходящий в пронзительный, на грани ультразвука, визг.

А потом время вдруг закрутилось с прежней скоростью. Из пасти гада вместо огня ударила струя не то дыма, не то пара, дракон конвульсивно забился, заваливаясь набок. Андрей рванул друга на себя, и вовремя! Падая на спину, Акелла успел увидеть, как удар хвоста с треском разнес в щепки массивное крыльцо. Клим, с непостижимым для его мощного тела проворством, порскнул внутрь веранды. Кривые когти скребли землю, хвост молотил по траве, но уже было ясно – это агония. Трое потрясённо молчали, тупо глядя на всё ещё вздрагивающую тушу и слушая его захлёбывающийся булькающий визг.

– Так вот ты какой, северный олень... – задумчиво произнёс хозяин дома, так и не выпустивший из рук пустое ведро.

– Да-а, – протянул Андрей. – Забавные здесь водятся хомячки.

– Мужики, а где Соловей? – практический ум Клима, как всегда, чётко определил слабое место в данной ситуации. –

Этот Горыныч его случайно не слопал?

– Вскрытие покажет, – «на автомате» отозвался Акела.

Данная операция состоялась быстрее, чем они могли бы предположить. Со скрипом «вскрылась» дверь деревянного туалета и Василий Викторович, застёгивая джинсы, явили себя изумлённой публике. Сделав пару шагов, он, наконец, справился с «молнией» и первый раз поднял глаза. Оглядев всклокоченных змееборцев, остатки крыльца, тушу дракона и с выражением произнёс: «...».

– Очень точное определение ситуации, – серьёзно сказал Георгий Борисович.

– У Гитлера был бункер, а у Соловья сральня, – хмыкнул Толстый.

– Так, ведь, кто на что учился, – Василий, кажется, даже протрезвел. – Вас на минуту одних оставить нельзя. Стоило Василию Викторовичу покакать отойти по-человечески, вы уже редких зверей мочите. А что «Гринпис» про вас скажет, варвары?

– Молодец, – заметил Андрей. – Только что был в говне, через секунду уже весь в белом и ещё нас «зелёными» пугает. Что скажешь, Борисыч?

– Молодец, кто бы спорил... А, ты об этом хомячке. Ну, считай, получили первую информацию об этом мире. Если в этих лесах водятся такие зверюшки, то у нас не просто проблема, у нас большая проблема. Значит, мы с Василичем идём гулять по этому лесу, а вы остаётесь домовничать.

– Акела, ты что? – Слава обалдело уставился на друга.

Тот не успел ничего ответить.

– Юра! – послышался со стороны сломанных ворот голос

Галины Савельевны. – Юра, вы живые там?

– Живые, живые, сейчас, Галина Савельевна, – и тихо добавил: – Будете у неё прикрытием. Что мы в лесу, что вы здесь – одинаково под ударом. Но мы здоровые мужики, битые-перебитые. А она – просто мирное население.

– Господи! Какие твари к нам полезли, – охнула старуха, явно не решаясь войти.

– Да понял я, – не стал спорить Клим.

– Василич, – спросил Васька, пока хозяин в обход туши пошёл к Савельевне. – Ты же инженер-электронщик, сможешь из наших сотовых рации сделать?

– А смысл? – пожал плечами Андрей. – Источника тока-то нет. Сутки максимум – и они сдохнут.

– Вообще-то, да. Ну, что там Савельевна?

– Да вот, целую сумку всякой всячины нам ещё припёрла. Положи в рюкзак, Василич, в сумку не войдёт. Да, вы лучше у неё живите, а то вывалит такая скотина из леса – дом сразу спалит.

– Чтобы вместе с нами, наверняка?

– Варежку не разевайте, дозор чтобы всегда был выставлен. Не у мамки в гостях. Копья сделайте подлиннее, луки тяжёлые. Ну, топоры под рукой всегда держите. Тварь вполне уязвимая. Да что я вам лекцию читаю, сами всё знаете

не хуже. Удачи.

– Ага. И ведро водицы, чтобы у очередного кожаного меша, башню снести, – съязвил Васька.

Они крепко пожали друг другу руки и двое, осторожно перешагивая через тыквы, зашли в лес. Оставшиеся закурили и долго смотрели вслед, потом зашли в дом.

...Обходя вековые стволы, продираясь сквозь кустарник, Акела испытывал стойкое чувство «дежа вю»⁴. Правда, в отличие от клинической картины заболевания, точно знал – где и когда видел этот сказочный лес. Значит, эта милая пигалица действительно предупредила его, вот только о чём? Поиск меча-кладенца – раз. И, что дальше? Драконов этим мечом рубить? Тоже вариант.

Дела, ёлки зелёные... Сказочная тайга, сказочный дракон.... Ха! Сказочный он в телевизоре и детских книжках. Но когда он пытается тебя сожрать наяву, то это уже не сказка, а неизвестная до сей поры форма жизни. «Карл Линней. Том пятый, класс гады, отряд – драконы, подотряд – огнедышащие». Акела фыркнул.

Идущий рядом Андрей вопросительно покосился – что рассмешило? Он подробно рассказал другу и свой сон, и свои размышления по этому поводу. Тот, в ходе рассказа, согласно кивал, потом, подумав немного, вынес резюме: «А что? Невероятно, конечно, но логически непротиворечи-

⁴ Дежа вю – термин из психиатрии, – ложная память.

во».

– Не с пустого места эти твари, повсеместно в сказках упоминаются, – подытожил Акела. – Значит, у наших предков наяву были с ними трения.

Когда солнце стало опускаться за деревья, лес наполнили сиреневые сумерки, которые с каждой минутой становились всё синее и гуще. Пора было подумать о ночлеге. Впрочем, в таком уютном лесу это как бы и не такая уж проблема. Для сибиряков, во всяком случае. Тут даже не нужно быть опытным таёжником.

Лапник уже был нарублен и постелен, на камнях возле костра начал тихонько урчать старый закопчённый котелок, что нашёлся перед самой дорогой в чулане. Откуда-то издалека подавала голос ночная птица, свой загадочный танец исполняли язычки пламени, напоминая то ли пери, то ли саламандр.

Разлит по кружкам духовитый чай, сдобренный плодами шиповника. Над ними вспыхивала искорками и сгорала летящая на огонь мошкара. Мир сузился до кружка света от костра, вокруг стеной стояла плотная тьма. Огонь выхватывал из этой тьмы стволы сосен, корявый сук, мохнатую ветку. Иногда вспыхивали огоньки глаз пришедших на огонь любопытных лесных жителей. В отблеске света беззвучно проплыла охотящаяся сова. В такие минуты человек остаётся как бы один на один со всей Вселенной, но присутствие рядом старого надёжного друга этому совсем не помеха, даже

наоборот.

– Жили, жили, ни о чём не тужили, вдруг труба, гроза, – вздохнул Акела.

– Тёток наших жалко, – друг выпустил воздух сквозь зубы. – Нелегко им будет без нас.

– Думаешь, обратной дороги нет?

– Это же не роман Звягинцева, – грустно улыбнулся Андрей. – Я сильно сомневаюсь, что на нас вдруг выйдут представители каких-нибудь суперцивилизаций. И мы по их заданию перережем кучу ни в чём не повинного народа и добудем чашу Грааля. А за это, они нас вместе с любимыми женщинами поместят в какие-нибудь сверхкомфортные условия по нашему выбору.

– Интересно, вы бы с Татьяной какое время и место выбрали?

– Да Бог его знает. При достаточных средствах жить комфортно можно почти везде.

– Пожалуй, – согласился Акела. – Ну, что, какую стражу себе возьмёшь?

– Без разницы.

– Тогда я падаю. Я «собаку» стою лучше, «часы», видимо, с годами испортились.

– Спокойной ночи.

Ночь, действительно, прошла спокойно. На рассвете, перекусив домашним свиным рулетом от Галины Савельевны, запили его крепким чаем и двинулись дальше. В ложбин-

ках прятались клочки ночного тумана, утренний лес звенел голосами птиц, эхо разносило удалую дробь дятла. Листва, хвоя, трава покрыты росой, а большая паутина перегородившая им путь, сверкала бриллиантовой россыпью в солнечном луче. Зрелище-то, конечно, бесподобное, но сразу промокли ноги. Шагать, несмотря на это, было легко, в лёгкие вливался чистый воздух, пахнувший хвоей и грибами.

– Андрей, вас по программе «джунгли» или чему-нибудь подобному готовили? – поинтересовался, как бы между прочим, Акела.

– Очень верное выражение. Именно чему-то в этом роде и готовили, – отозвался тот, остановившись и медленно поворачивая голову из стороны в сторону.

– Вот-вот. Слышишь сорок?

– Угу. Кто-то чешет параллельным курсом слева от нас.

– У тебя патронов ещё много? Штук шесть?

– Семь. Один в стволе был, – отозвался Андрей. – Какие варианты?

– Я думаю – идем, как шли. О! Сзади тебя трое...

– Слышу.

Из-за деревьев вышли три здоровых бородатых мужика и, не скрываясь, неспешно приближались к разведчикам. Те молча ждали, стоя так, чтобы и к гостям спиной не поворачиваться (невежливо, да и чревато) и обзор худо-бедно держать.

Не дойдя шагов пять, троица остановилась. Передний,

чернобородый лохматый мужик с ярко-синими глазами, прищурившись, в упор рассматривал путников. Нехороший у него был взгляд. – так рассматривают жареную курицу, прикидывая. – какую ногу оторвать первой. Да и красные полные губы симпатии не прибавляли, было в них что-то порочное, капризно-жестокое. Мятая рубаха с засаленным воротом, на поясе у бандюка болтался здоровенный нож, в руке было что-то типа дротика или короткого копья.

– Ну, здравствуйте, калики перехожие.

– И ты здравствуй, коли не шутишь, добрый молодец, – мирно отозвался Акела.

– Смотри ты, – удивился Атаман (так про себя назвал его Акела). – Не уж-то русские люди? Что же стрижены, как басурмане? И одеты как-то чудно?

Смешно было бы ожидать, что джинсы «Дизель» и монгольские свитерки очаруют здешних аборигенов. Ну, уж не взыщите, чем богаты.

– Кто такие, куда путь держите? – продолжал допрос Атаман. – Чего это вы по моему лесу так вольготно шастаете? Неужто не упреждал никто, что здешняя дорожка и недешёвой может оказаться и последней? А?

– Так, оно, так-то бы и хрен с ним, но доведись до того – вот, тебе и пожалуйста. Опять же, возьмём, к примеру, обратно, тут оно всё наоборот и выйдет – доверительно сообщил Андрей, здраво рассудив, что отвечать по сути, всё равно нечего, но и совсем ничего не говорить тоже невежливо.

– Что-что? – растерялся допросчик.

– Он говорит, – со светским видом вступил в беседу Акела. – Что, если уж нам самим всё равно, куда идти, то уж первым-то встречным и вовсе должно быть без разницы. А что до леса твоего, так, откуда нам знать – чей он? Покажи, милостивец, дорогу, мы по ней из леса и выйдем. И тебе хорошо, и нам неплохо.

– Здраво судишь, – хохотнул Атаман. – Только сначала заплатите за нарушение покоя в лесу, а потом поговорим про выход.

Он, как бы невзначай, перехватил своё оружие поудобнее. Его напарники, вооружённые один здоровенным топором, а другой пугающих размеров дубиной, напряглись.

– Давайте-ка, голуби, ваши котомки и карманы выворачивайте.

Давно известно, что нападающая сторона несет в три раза больше потерь, чем обороняющаяся. Другими словами – вам кирдык не потому, что вы напали неправильно, а просто потому, что напали. Потому Акела, вежливо поклонившись, отвечивал:

– Все эти мешки нам собирали жёны наши и старушки-мамы. Негоже их дорогую память раздавать направо и налево всяким проходимцам.

У громил была хорошая реакция. Атаман в прыжке сделал мощный выпад в Андрея, точнее, в то место, где он только что стоял. Оружие ударило в пустоту, а локоть бывшего

диверсанта с хрустом влип в горло разбойника, опрокинув его навзничь. Громила, до глаз заросший рыжим волосом, рубанул своей страшной секирой наискось засечным ударом. Акела, «скруткой» уйдя под топор, без затей полоснул агрессора финкой по сонной артерии. В правую щёку плеснуло тёплым. В мгновение ока расправившись с нападающими, друзья одним прыжком оказались с двух сторон от третьего разбойника. Молодой облом замахнулся, было, дубиной, но, уставившись на бьющиеся в агонии тела, замер. Про своё оружие он забыл, и зрелище собой представлял крайне нелепое.

Его юное лицо, обросшее светлой пушистой бородкой, выражало изумление, смешанное с испугом. В общем-то, не имело никакого смысла резать этого дурака. Живым «языком» он, несомненно, был гораздо нужнее. О чём, впрочем, ему до поры, до времени знать, конечно, не следовало. Скользя ему за правое плечо, Акела прижал лезвие клинка к горлу, а Андрей, взявшись рукой за дубину, почти без сопротивления забрал её. Ласково глядя в глаза, спросил: «Где остальные? Сбрешешь – зарежем, как барана».

– Какие остальные? – вылупил глаза верзила. – Никого боле нету. Козолуп, Червень и я.

Акела рывком запрокинул его голову назад и, вдавив чуть сильнее лезвие в кадык, прошипел: «Ну, тебя добром просили, сам выбрал».

– Да нету никого! – срывающимся голосом закричал де-

тина и вдруг заплакал, увидав воочию, что смертушка-то вот она, рядом.

И не увидать ему матушки и соседку Светанку не высватать и вообще, вот он, карачун. Друзья переглянулись. Андрей отбросил дубину. Акела спрятал нож, достал сигареты. Закурил, наблюдая, как пленный, сидя на земле, размазывает ладонями слёзы по здоровенной морде.

– Ну, что, Василич, экстренное потрошение принесло свои плоды. У агрессора два «двухсотых», у нас потерь нет, пьяных нет. Да плюс «язык», хоть и не такой уж «длинный».

Андрей остро глянул на него и, уловив не высказанный подтекст, ответил, пожав плечами: «Мы не звери, господа, и история нас не осудит. Адекватный ответ, только и всего».

– Если такой умный, почему не богатый? – Акела улыбался.

Это была их, так сказать, дежурная шутка. Василич, довольно усмехнувшись, сделал шаг к пленнику, который уже перестал реветь и только изредка икал и шумно всхлипывал, утирая рукавом нос. Юниор, блин! Крепко взяв его за шиворот, он рывком поднял налётчика на ноги, резко встряхнул – голова болтнулась из стороны в сторону. Глаза юнца умоляюще смотрели на суровых разведчиков. Жалко дурака, но растекаться слёзной лужей что-то не тянуло. Не окажись они проворнее, вряд ли бугай осознал, что был, мягко говоря, неправ.

Борисыч, приблизив своё лицо к лицу пленника, глядя

в переносицу, тихо спросил:

– Как зовут тебя, чадо?

– Кури... – сипло ответил тот, прочистил горло и ещё раз добавил. – Курила.

– Хорошее имечко. А с какого ты града или веси?

– Из Грушевки я. Это недалече, версты три. Там матушка у меня живёт. Не казните смертью, люди хорошие, хоть виру возьмите, хоть отслужу.

– А, вот, интересно, – задумчиво протянул Андрей. – Знает ли его матушка, чем её чадо промышляет? Что она скажет, если рассказать о твоих подвигах?

Детина резко подломился в коленях, рванул на груди вышитую красными петушками рубаху.

– Не надо матушке... Смилуйтесь! Не своей охотой я... Червеню в карты проигрался, он и сказал – или на разбой с нами, или в бабу превратим. Куда ж мне деваться-то было?!

– Жило двенадцать разбойничков,
Жил атаман Кудеяр,
Много разбойнички пролили
Крови честных христиан...

Рука бывшего мента вторично поставила незадачливого «кудеяра» на ноги.

– Честными гостями примет нас матушка твоя? Издалека мы, переночевать негде, где города, где веси – не знаем.

– А-а... – в глазах пленника появилось сомнение, которое

он побоялся высказать вслух этим хмурым непонятым людям.

– Он же тебе сказал – честными гостями. Мы люди мирные, а то, что татам укорот давать умеем, так, служба у нас такая. Была, – Андрей сурово смотрел на облома.

– Воями были?

– Воями, воями. Обиды зазря чинить никому не будем. Видишь, даже тебя, обормота, не зарезали. Но служить нам будешь, как положено аманату⁵. Плохого делать не заставим, но за непослушание – не взыщи. Вот, для начала пададь эту закопаешь.

Глаза Андрея искрились, пока он слушал эту тираду. За спиной пленника он показал другу большой палец, смотрящий вверх.

Дождавшись, пока штрафник выполнит поставленное задание, они втроём мирно зашагали к деревне. По дороге простодушный парень, отвечая на вполне невинные вопросы профессионалов, вывалил им кучу полезной информации. Государство, в котором они оказались, называлось Руссией, правил всем Великий Кнез Бран. К югу лежали земли хозар и аланов, с первыми в основном воевали, со вторыми больше торговали.

Народ Руссии поклонялся пантеону богов, практически не отличающемуся от древнеславянского их мира. Возглавлял его Белобог, противостоял ему Чернобог, правили, соот-

⁵ Аманат (старорус.) – пленник, заложник.

ветственно, один днём, другой ночью. На северо-западе лежали земли рогов, с которыми, в принципе, жили дружно. Правда, у тех единого порядка не было и то и дело какие-нибудь шайки выходили из подчинения короля и грабили веси на окраинах Руси. Но это были, как говорится, эксцессы и на геополитику они серьёзного влияния не оказывали.

К востоку, в непролазных таёжных делях, жили племена диких охотников, к западу были ещё какие-то государства, но про них Курила ничего не знал, хотя для своих лет и положения был очень неплохо информирован, даже похвалился, что знает грамоте. Грамота, как выяснилось, была рунная.

Лес постепенно поредел, сменился лесостепью и, обойдя очередной окол, путники вышли к веси. То есть, к обычной по виду русской деревне – бревенчатые дома, плетни, брешущие барбосы. С края веси стояло несколько сгоревших почти дотла домов. На вопрос Андрея Курила пояснил. – змей безобразил. Он ещё в дороге объяснил, что змей. – явление довольно редкое, иной и всю жизнь проживёт. – ни единого не встретит.

Выяснилось также, что убитый ими экземпляр был не очень крупный – примерно две трети от зрелой особи. Их вообще трудно убить, т. к. тварь, несмотря на размеры, очень проворная. Пробить его шкуру оружием можно только в паховой области, где чешуя помельче, под нижней челюстью, ну и, соответственно, в пасть и в глаза.

Шкура эта всегда в очень большой цене – такая добыча

трудов и смертей многих стоит. Идёт она только на изготовление доспешной одёжи. Не пробить её стрелой, мечом или копьём и нипочём не горит, зараза. Таковую себе может позволить лишь кнез или какой другой владыка.

Узнав, что его новые знакомые – змееборцы, Курила проникся к ним нешуточным почтением. Совершить такой подвиг втроём, по здешним меркам, было нереально.

Матушка нового знакомого оказалась классической квочкой. Этакой полненькой хлопотуньей лет сорока с бойким и весьма острым язычком. Акела подсунул юнцу легенду, по которой Козолуп с Червенею хотели его избить за отказ разбойничать. Восторженный рассказ сына, что гости вступились за него и в честном бою отправили душегубов к протцам, произвёл впечатление. Усадив гостей за стол, матушка Милёна решила, что уже и любопытство невозбранно проявить.

– Как же Вас звать-величать, гости дорогие?

– Акела, – не имело смысла представляться обычным именем.

В этой, явно, дохристианской Руси, к крещёным именам люди, скорее всего, непривычны. Позывной «от Киплинга» – самый оптимальный вариант. Видя, что у хозяйки слегка приподнялись брови, пояснил: – Это значит «волк», друзья прозвали.

Глазами он дал понять другу: «Делай, как я». Тот и сам был не дурней паровоза и мяч, как обычно, принял с лёту.

– Барс. Это такой большой кот.

– Знаю, – она засмеялась. – Хорошая парочка. Как насчёт «кошка с собакой»?

– Так, то ж кошка, а не кот, – невозмутимо отпарировал Андрей.

– Тоже позывной? – тихонько спросил друга Акела.

Тот тихонько кивнул.

Милёна одобрительно хмыкнула, оценив по достоинству находчивость гостей. Она, кстати, была далеко не душой, да и дитяtko своё, видимо, знала хорошо. По быстрому взгляду Милёны Андрей понял – матушка сообразила, что правду ей подали под соусом и явно в усечённом варианте, но не подала виду.

Узнав, что с ними были ещё люди, она быстро отправила сынка к соседям и через некоторое время за окном простучали копыта. Увидев внимательный взгляд Акелы, пояснила, что она в веси «старшуха» с тех самых пор, как деревню пожгли хозары. Старики погибли в огне, женщины едва успели спасти детишек, убежав с ними в леса. Две трети мужиков полегли, прикрывая отход, с тех пор она и вдовствует.

Рассказ сопровождался мимолётными взглядами на Акелу. Под насмешливым взглядом Андрея он понял, что этой ночью, скорее всего, придётся расстаться с невинностью. Слишком долго, видимо, хозяйка обходилась без мужика. Да и не стоило выходить из образа одинокого воя. Когда подошло время укладываться спать, Милёна показала им сено-

вал.

– Акела, – непринуждённо попросила она. – Помоги ко-
рову загнать. Уросливая, зараза, сладу с ней никакого.

«Ну да, а сын тебе в этом уже не помощник», – подумал
Акела, мельком покосившись на серьёзное, даже слишком,
лицо друга, но тот опустил глаза. Он повернулся и покорно
пошёл за невысокой ладной фигуркой старшухи, колобком
катившейся со двора. Когда они отошли подальше, он при-
тянул женщину к себе. С готовностью подавшись навстречу,
она ответила на его поцелуй, прошептав: – Подожди чуток.

Едва они оказались на дальнем сеновале, Милёна жарко
впилась в его губы. Не давая ему опомниться, перемести-
лась, обжигая дыханием кожу, на шею, грудь. Когда балов-
ница добралась до живота, разведчик понял, что и в древние
патриархальные времена практичные женщины умели зрить
в корень. Как раз в это время хозяйка добралась до этого са-
мого корня, после чего думать о чём-либо не было уже воз-
можности по чисто техническим причинам.

Однако, поскольку мужчина всё-таки олицетворяет собой
активное начало, пальцы Акелы вскоре сжимали полные бёд-
ра Милёны, а сам он, временно оказавшись хозяином поло-
жения, всё сильнее и сильнее входил в разгорячённое лоно,
пока взрыв торжествующей плоти не разметал их по пере-
булгаченному сену.

Открыв глаза, матушка сладко потянулась и моментально
привела себя в порядок. Увидев, что бывалый вояка тоже го-

тов, махнула головой: «Пошли». На земле, мимолётно прижавшись, благодарно чмокнула в щёку.

– Да, а где «потерянная» корова? – спохватился он.

– Сейчас поглядим, – невинно отозвалась Милёна. – О, за сеновалом привязана, злыдня. Совсем распоясалась!

Они довели её до стайки. Милёна негромким голосом, в ночной тиши слышным довольно далеко, объясняла корове, что она-таки не права. При этом она поминала близких родственников коровы, её родословную, манеры и привычки. Всё вышеперечисленное, будь оно правдой, дало бы ни в чём не повинной скотине все основания провалиться под землю. Но вряд ли даже рогатые служители преисподней, по поверьям, обитающие там, приняли бы к себе эту тварь, будучи и сами достаточно испорченными.

В который раз подивившись этому невинному женскому цинизму, Акела залез на сеновал. Коснувшись головой набитой пахучим сеном подушки, он мгновенно вырубился. Если Андрей и не спал, то никак этого не проявил.

Глава 2. О некоторых неудобствах в связи с известностью

*И скрываются до срока
Даже рыцари в лесах,
Кто без страха и упрёка,
Тот всегда не при деньгах.
В. Высоцкий «Вольные стрелки»*

...Его разбудил смех, точнее, хохот. Свесив голову с сеновала, Акела обнаружил во дворе всю честную компанию в полном составе.

– ...да Борисыч, наверное, тёлку какую-нибудь всю ночь в стогу понужал, – слышался насмешливый голос Соловья. – Старый конь борозды не испортит.... О! Борисыч! А тут мужикам просто с пеной у рта доказываю – ну, не может Борисыч «по лебедям» пуститься! Он человек серьёзный, положительный...

– Особливо ежели его положить. – сверкнул зубами изпод усов Толстый.

– Вот, сами бы и попробовали, – коварно улыбаясь, посоветовал Андрей.

Васька хотел что-то ответить, но Акела успел его перебить.

– Хлопцы-молодцы, а где Савельевна?

– Отказалась она ехать, – виновато доложил Славик.

– Как это – отказалась? Она, хоть и старая уже, но с мозгами никаких проблем, соображает – дай Бог всякому.

– Понимаешь, когда остались, Савельевна нас погнала по оставшимся домам. – проверить, есть ли ещё кто живой. Напротив твоего дома, Борисыч, мужик пожилой жил, как его...

– Мельник, – подсказал Акела, соскальзывая на землю и потягиваясь.

– Точно. Савельевна-то в курсе, что уехали они тогда в райцентр к родне, да по магазинам, а вернуться видать не успели. А у него, ты знаешь, хозяйство... – Васька взвёл очи горе.

– Знаю, – сказал нетерпеливо Акела. – Куркуль тот ещё. Дом – полная чаша. И что?

– Что-что, с этим хозяйством нам возиться пришлось.

– Ты-то навозился! – хмыкнул Славка. – У Мельника в подполье целая фляга самогонки стояла. Угадайте с трёх раз, что сделал Соловей, когда эту флягу нашёл?

– Неужто сдал в Фонд Мира? – саркастически поинтересовался Акела. – Нет, ну, ничего больше в голову не приходит, хоть убейте!

Мужики заржали. Васька укоризненно покачал головой.

– Смейтесь, смейтесь.... Над собой смеётесь.

– Ага, мы бы с Савельевной тоже от души посмеялись, если бы этот хрон у собачьей конуры не споткнулся. Едва

от пса оттащить успели, так он ещё и кочевряжиться начал. Сроду б не поверил, что старуха так душевно материться умеет! Да в нагрузку, пару раз его палкой, аккуратно, вдоль седалищного нерва опоясала!

– Так, это всё лирика. А бабка-то, почему не поехала, из-за скотины, что ли?

– И из-за неё. Там же у него целая ферма, да ещё всякой птицы прорва. Говорит, что грех бросать на погибель. И вообще, она деревню бросать не захотела. Ей, мол, помирать в родном доме надо, коль срок придёт, а погост рядом и вся родня там лежит. Её же не переубедить, упёрлась...

– Да, уж, знаю. Медведя в лесу легче на содомский грех уболтать.

Сзади хлопнула калитка.

– Доброго утречка, гости дорогие.

– И тебе того же, хозяйюшка, – вразнойбой ответили мужчины.

– Не казни, старшой, ребят своих. Мне Весняк сказывал – уговаривали её все, но бесполезно – кремень старуха. Он ей голубка оставил, так, что, случись чего, она его отправит. Я тогда сразу мужиков пошлю – тут верхами недалёко.

Милёна, улыбаясь, оглядела мужиков.

– Поутренничали уже?

– Что? А-а, да, поели и молочка попили. Борисыч, иди подкормись, – сказал Слава. – Молочко у нашей хозяйки – чудо.

– Это не у меня, а у Ночки, – блеснула зубами Милёна. – Попей, Акела.

– Не откажусь, – отозвался он.

Молоко, действительно, было выше всех похвал – лучше магазинных сливок. У непривычного человека кишки скрутит так, что никакой «Мезим» их не распутает. Слава Богу, у Акелы такой беды отродясь не бывало. Он, по тихой грусти, опростал глечик под горку нежнейших, ещё тёплых, шанежек. Ну, вот, теперь можно и с голодным побороться. Когда Борисыч вышел на крыльцо, солнце уже пробиралось между вершин деревьев. Милёна, выйдя из коровника, прищурившись, поглядела на небо, потом повернулась к гостю.

– Чем заниматься думаете, воины?

Акела пожал плечами.

– На шее у тебя, по-любому, сидеть не будем. Что съедим, то отбатрачим.

Краска досады появилась на щеках хозяйки.

– Не об этом я, старшой. У нашего кузнеца купец проездом остановился. Аккурат, сегодня утречком он спрашивал – не поедет ли кто с ним охраной? Наших я никого не пустила. Мужиков мало, а работы невпроворот. Вы – другое дело, вы Сварогу [1] служите.

Акела задумался ненадолго и рассмеялся.

– Умница ты, Милёнушка. Золотая голова, – и, чмокнув славную женщину в щёку, вышел со двора.

Приезжий купец расположился лагерем во дворе коваля

Добруши. Барс и Акела, войдя, дружески кивнули ему. Оглядевшись, они подошли к сидящему в глубине двора хорошо одетому грузному мужчине, безошибочно определив в нём того, кого искали. Во-первых, торговый человек, во-вторых, старший в компании, которая состояла ещё из трёх мужчин разного возраста и молоденькой девицы. Девка была пышно-телой и довольно пригожей.

В мужиках они так же легко угадали охрану. Дело было даже не в доспехах и оружии. Неизгладимая печать профессионала войны была ясно видна на всех троих. Их внимательный взгляд и положение тела, готового мгновенно вско-чить, многое говорило опытному глазу.

Их эти профи тоже уже прокачали, хотя они пришли без оружия, а одеты были в крестьянскую одежду. Милёна выдала из запасов покойного мужа. Не ходить же по деревне в джинсах и свитере, пора уже применяться к местности.

Смазливая пышечка лет восемнадцати тоже успела оценить их и, оставив без внимания пожилого Акелу, строила глазки Барсу. Седой худенький дедок, мирно хлебавший из глиняной миски тюрю из простокваши с хлебом, глянул на них мельком. Казалось, его, в настоящий момент, кроме простокваши, не интересует ничего на свете. Только чутьё подсказывало, что из этой троицы он и есть самый опытный и опасный.

Второй был коренастый крепыш лет сорока пяти, с пухлыми щёчками, вздёрнутым носиком, большой плешью

и смешными рыжими кудряшками на затылке. Он являл бы собой преуморительное зрелище, если бы не холодный внимательный взгляд, так не сочетающийся с глуповатой добродушной улыбочкой.

Третий, кудрявый здоровяк с тяжёлым лицом, глядел хмуро и внимательно. Не такой волчара, как эти двое, но тоже не мальчик, видывал виды.

На всё это взаимное сканирование ушли секунды. Подойдя, Акела вежливо поклонился.

– Мне сказали, добрый человек, что ты двух охранников себе в караван искал, – и замолчал, ожидая реакции купца.

– Мне нужны охранники, тебе правду сказали. Только я не уверен, что вы мне подойдёте. Где ваше оружие и доспех?

– Так, я не понял, уважаемый, ты ищешь оружие с доспехом или, всё-таки, охранников? – вежливо спросил Барс.

Старый хрен, хлебавший простоквашу, хмыкнул, оценив юмор. Купец тоже понял насмешку и нахмурился.

– Жила, да ты испытай их, – спокойно посоветовал плешивый с кудряшками. – Нам ведь, действительно, не доспех нужен. Он-то, как раз, найдётся.

– Тебя не спросил. – буркнул купец и, поднявшись, сделал шаг навстречу Акеле.

– Ну, держись, – и с маху шарахнул здоровенным кулачищем прямо в середину груди.

Точнее, в середину груди он собирался попасть. Акела, легко отклонившись чуть назад и в сторону, сделал

небольшой шаг вбок. Провалившись в пустоту, Жила, чтобы не упасть, оперся рукой в землю. С побагровевшим лицом он вновь повернулся к обманувшему его ожидания кандидату.

– Шутки шутить вздумал?

– Хозяин, – безмятежным тоном отозвался Акела. – Если бы я всем грудь подставлял, кто об неё хочет кулак почесать, сейчас бы здесь перед тобой не стоял.

Старикашка захихикал.

– Он дело говорит, Жила. Я бы так же само сделал. Бери его, верное слово.

– А второй? – разглядывая Барса, неожиданно спокойно осведомился купец.

– Не хуже, ежели ещё не хлеще. Если хочешь испытать его и потешиться заодно, пусть у Малыша, – дед мотнул головой в сторону здоровяка. – Нож отымет.

– И то, – согласился Жила. – Значит... Тебя как зовут?

– Барс.

– Значит, так, Барс. Вот этот парнище, которого мы промеж себя Малышом кличем, возьмёт нож. А ты его уговори его бросить. Понятно? Добром уговори.

– А, коли не уговорю, отобрать можно? – заинтересованно спросил Барс, покосившись на друга.

Акела понял, что эту «фишку» Андрей помнит. Его самого один молодой коллега пытался прогнать через этот тест из арсенала американских «копов». Акеле удалось перехитрить молодого, и он, как-то, рассказал другу про этот слу-

чай. Впрочем, Барс и сам хитрый, как сто китайцев, он ещё и почище что-нибудь может придумать. Хотя, как известно, от добра добра не ищут.

Малыш, тем временем, взяв в руку здоровенный клинок, с улыбкой смотрел на Барса – ну, давай, мол, уговаривай. Тот с лицом, исполненным сомнения, смотрел на здоровяка. Потом безнадёжно махнул рукой.

– Да, разве уговоришь человека, если он специально этого и ждёт. Придётся просто отбирать.

– Ты только не увлекайся, Барс, – «встревожено» подыграл Акела. – Не как в прошлый раз, я тебя умоляю!

Во взгляде Малыша мелькнуло беспокойство. Когда же Барс, поставив «рамку», сделал к нему первый шаг, он вдруг вложил нож в ножны и сердито сказал Жиле:

– Сомневаешься, испытывай сам. А ежели он мне руку сломает, мне как стражу нести? Я в бою рисковать согласен, а не на испытках твоих дурацких.

– Молодец, правильно, – сказал Акела. – И мы молодцы, видишь, сумели без мордобоя уговорить парня.

После нескольких секунд молчания грянул дружный хохот. На этом испытания закончились. Жила рассказал, что эта их поездка не торговая. После смерти жены он решил вместе с дочерью Смышлёной вернуться на свою родину в Червлянский удел. Очень уж беспокойно стало у них в Беломорье, да и дочь пора замуж поскорей отдать, не то в перестарках засидится. А когда чёрные орки, которых развелось

в лесах больше, чем зверья, убили жену, страх за дочь заставил продать почти всё нажитое и, навьючив самое дорогое на лошадей, сорваться с места.

– А почему решили ещё двух охранников нанять в пути? – поинтересовался Акела. – Рискованно в дороге незнакомых людей в караван брать.

Старый сухонький охранник по имени Мысь, [1] которое ему удивительно подходило, ответил, как бы, нехотя.

– Да, я, по чести сказать, и сам так думаю. Только, уж больно нехорошей славой стали пользоваться здешние леса. Вот, и приходится нанимать людей со стороны.

– Да, ещё, – помолчав, хмуро добавил он. – Шайка Лутоня, говорят, в здешних местах стала озоровать.

– Что за Лутоня? – спросил Барс с любопытством.

– Вы откуда свалились, что его не знаете? – поразился старик. – Или голову мне морочите?

– Мы, действительно, здесь недавно, – пояснил Акела, за-тосковав при мысли, что свою историю придётся рассказывать снова.

– Ладно, коли так, – пожал плечами Мысь. – За вас стар-шуха поручилась, а её Жила давно знает. Лутоня уже года три со своей шайкой грабит и не может его стража изловить. Говорят, но точно ли, я не знаю, а, может, людишки и врут, что у него где-то среди кнезов хорошая заручка есть. Хотя, говорят, ещё не совсем конченный он душегуб, без нужды людей не бьёт. Да всё равно, пусть идёт он мимо.

– Да, уж, – согласился Акела. – Когда выступаем?

– Завтра поутру.

Но с выходом получилась задержка. Вполне, впрочем, прогнозируемая – взбунтовались друзья. Больше всех возмутился Соловей.

– Нет, ну молодцы мужики, хорошо устроились! А нас, как бы, и нет вовсе, кто мы тут такие? А! Это Соловей с Толстым? А мы думали – насрал кто-то...

Слава был сдержаннее, но тоже был задет:

– Мы сюда все вместе попали, а сейчас мы тут сиди, а вы исчезаете непонятно куда. Как это понимать, Борисыч?

Ясность, как ни странно, навела Милёна, внимательно слушавшая всю эту перебранку.

– Вы уж простите глупую бабу, коли чего не так скажу. Эти двое к деревенскому труду несподручны, они вои. Им даром у хозяйки хлеб переводить не с руки, хотя мне его и не жаль, но они сами не захотят, совестливые они.... Да, и негоже сокола в клетке держать, это птица Сварогова [1].

– Вы не думайте только, что я Вас за ворон держу, – поторопилась она добавить, увидев, как у Славы с Василием вытянулись лица. – Вы нормальные справные мужики, тут вы на месте будете и свой кусок с лихвой отработаете.... Да, мне самой, думаете, охота его отпускать?! – слёзы вдруг закипели в голубых глазах, она с размаху саданула Акелу кулаком в грудь.

Тот и не подумал уворачиваться, только грудь загудела –

долбанула от всего, что называется, сердца. Он засмеялся и сгрёб старшуху в охапку.

– Да, где ж мне ещё такую злыдню найти? В этом-то мире уж точно одна. Ладно, братья, чего воду в ступе толочь? Может, вы и верно говорите, да только в караван-то всего двое нужны. Будет нам теперь уже к кому и куда вернуться. Ну, всё, разобрались, без обид и претензий? Ну, не глупее же вы этой женщины?

Ответом было молчание. При такой постановке вопроса сильно не поспоришь. Другой мир – другие законы. А, по большому счёту, оно везде так – выбор между засадой и западнёй.

...В невесёлом настроении зашли они в деревенскую кузню, что стояла на отшибе, на берегу пруда в окружении зарослей черёмухи и раkit. Сразу было видно – деревня деревней, а здесь трудится Мастер. С большой буквы и никак иначе. Ножи выбрали быстро, и ручные и метательные, это было, в общем, оружием привычным. С мечами было сложнее. Если Барс неплохо владел кэндо, то весь опыт Акелы был – второй юношеский по фехтованию на сабле. Да и то – в далёкие школьные годы.

Оба, наконец, выбрали по мечу. Барс взял с не слишком длинным клинком, небольшой крестовиной и рукояткой на полторы ладони. Акела подобрал себе похожий, но немного покороче. Он здраво рассудил, что с его забытыми навыками, длинным он много не намашет, тем более, в лесу.

В придачу были даны небольшие прикладистые самострелы с набором остро заточенных оперённых болтов. Купец выпал в жилистую руку кузнеца пригоршню рубленых кусочков серебра, и они вышли на свежий воздух к воде.

– Ну, что, други, тронулись? – послышался сзади голос нанимателя.

– Да мы оба по жизни тронутые, – привычно съязвил Аке-ла, нимало не заботясь – поймут ли его шутку, и зашагал, замыкая колонну.

Никаких долгих поводов им не устраивали, попрощались дежурно – времени было в обрез. Шагалось легко, тем более что в этом лесу болот было мало, почва сухая, в основном лёгкая золотистая супесь. Ковёр из листьев и хвои пружинил под ногами, источая приятный терпковатый дух первого осеннего листа. В густых кронах перекликалась пернатая братия, а белобокие стрекотуньи разносили весть лесному народу о их приближении.

Правда, через часок им это изрядно наскучило и они от-стали. При такой ходьбе позвоночник работает практически без нагрузки и не устаёт, несмотря даже на приличный вес оружия и доспеха. Мешок с запасами, любовно собранными руками Милёны, вместе с прочими везли вьючные кони. Стража должна быть всегда свободна и готова к обороне.

В пути сохраняли режим молчания, не считая коротких, вполголоса, реплик, чисто по делу, ибо лес действительно шума не любит. По словам опытных стражников, новых то-

варищей Барса и Акелы, в этом лесу можно было нарваться на кого угодно – от змея до обычного медведя. Встречалась тут и нечисть. Своя была изученной вдоль и поперёк, оттого более предсказуемой и, соответственно, менее опасной. Но, помимо своей, последнее время стали появляться неизвестно откуда разные твари. По выражению Мыся, «вовсе людскому пониманию не доступные».

Старенький сухонький Мысь, вечно слегка поддатый, был наёмником, провоевавшим всю свою сознательную жизнь. Он был опасен, как гремучая змея, даже когда пьяный и связанный, и информации в его голове хватило бы на десятерых. Главная трудность была – разговорить замкнутого старика.

На привале, сидя у костра, Акела попробовал втянуть его в разговор.

– Мысь, а подробнее рассказать об этой пришедшей нечисти можешь?

Дед отхлебнул своей «червивки», как он называл дешёвое яблочное вино, и отрицательно помотал головой.

– Не поминай волка в лесу, знаешь, да? А эти твари во много раз опасней. Просто жди от них *всего* и бейся так, словно перед тобой *самый* опасный в мире враг. Тогда, умирая, не сможешь себя упрекнуть в том, что сделал недостаточно.

Оценив мудрость сентенции, Акела рассмеялся и благодарно хлопнул советчика по плечу. Барс, слышавший каждое слово, одними глазами одобрил сказанное.

...Дорога не утомляла, но на третий день они попали под проливной дождь. Пришлось долго сушиться у кострища. Над головой натянули старенький походный полог, изрядно поклёванный отлетающими угольками былых костров. Когда наступил вечер, друзьям неожиданно выпал случай убедиться в справедливости слов старого наёмника. Акела, поужинав, сидел у огня, затягиваясь цыгаркой, и слушал рассказ коренастого стражника со странным не то именем, не то кличкой Околел.

Кстати, вопреки всякой логике, этот мир хорошо знал табак. Откуда – он дознаться не успел, но принял этот парадокс с удовольствием, в отличие от Барса, по жизни не любившего ни курева, ни курящих.

– ...и вот, когда уже пошла вторая неделя осады, – продолжал Околел. – Наш воевода...

Внезапно он замер, прервавшись на полуслове, плешивая, с остатками кудряшек на затылке, голова насторожённо повернулась в сторону чащи, откуда вдруг донёсся какой-то странно пронзительный звук, что-то среднее между воем и клёкотом. Ему вторил отзвук определённо человеческого крика, но слов нельзя было разобрать.

Жила, конечно, жлоб был, каких ещё поискать, но в быстроте соображения ему отказать было нельзя.

– Мысь, Барс, Акела, быстро туда! Прочие – в оборону! Да, не крутись ты под ногами, горе луковое! Кыш в шалаш, и чтоб ни гу-гу у меня!

Последнее относилось к дочери. Толстушка, прекратив бестолковую суету, шмыгнула в шалаш и затихла. Названные быстро передвигались среди стволов в сторону всё усиливающегося шума. Не бежали, чреватое это дело, глаза можно выхлестнуть о сучья, это ещё в лучшем случае. Про худший лучше не думать – нарвёшься с разбегу на такое, что мало не покажется.

И без того было ясно, что впереди не мёд и не шашлык. Шум становился всё яснее, делясь на весьма неприятные компоненты. Помимо упомянутого визга-клёкота, слышался жуткий утробный рык, какое-то тошнотворное завывание и яростный человеческий крик на незнакомом языке.

– Накликали, – уронил дед, выскальзывая первым на открытое место.

Выпрыгнув за ним, друзья увидели, что на опушке кипит неравный бой. Высокий молодой воин, плетя «кружева» свистящим мечом так, что клинок превращался в светлую полосу, отбивался от нападавших на него тварей. Этих Акела даже с ходу затруднился определить. Метра полтора высотой, с корявыми когтистыми лапами, которыми они проворно пытались сгрести этого человека.

Жуткие клыкастые морды, напоминающие собачьи, с голыми черепами, на которых виднелись рога, похожие на козьи. В общем, красавцы – отворотясь, не нагладишься. Передвигались они, стоя на задних конечностях. Чертовски проворно передвигались, надо заметить!

Если бы не классное владение мечом, молодой воин уже бы погиб. Но всё равно, не подоспей они, он был бы обречён. Разок лишь оступись или сбейся с ритма, и твари не дадут ему второго шанса. Танцуя этот страшный танец, парень что-то, не переставая, выкрикивал, видимо, свой воинский клич. Однако, ни прислушиваться, ни любоваться времени не было.

Едва они обозначили своё присутствие, чудовища мгновенно атаковали их. Проворство этих уродов мешало понять – сколько их. Но врага, как известно, не считают, да, и не было времени на подобные глупости. Клятая зверюга сразу навязала такой бешеный темп схватки, что Акела, кажется, даже вдохнуть воздух не успевал.

Тварь была одна, но размазывалась в движении, атакуя словно сразу со всех сторон. Поняв, что такого ритма ему долго не удержать, он решился на отчаянный шаг. Словно оступившись, Акела упал на колено, неловко взмахнув мечом. Приёмчик этот из категории «импоссибл» ему как-то за стаканом водки показал его друг-тренер Саша. Правда, это была разработка для ножа, но уж чем богаты... В тот же миг, резко поменяв положение тела, Акела со свистом крутанул мечом косую «восходящую». Ошибись он со стороны нападения, бы его уже ничего не спасло. По счастью, тварь купилась и сейчас билась на земле с полуотсечённой головой, забрызгивая траву поганой тёмной кровью.

Крутанувшись вокруг себя, Акела увидел, что всё конче-

но. Мысль деловито протирал клинок меча пучком сухой травы, Барс прятал за голенище сапога метательный нож. Спасённый стоял, бессильно уронив руки и дыша, как загнанная лошадь. Ещё бы, работать в таком бешеном, почти запретельном, темпе, да ещё столько времени!

С момента их появления на опушке прошло всего несколько секунд. На земле лежало шесть трупов чудовищ. Троиш он, значит, сумел достать в одиночку. Однако! Парень, всё ещё тяжело дыша, перевёл светло-серые глаза на Акелу и что-то спросил.

– Что? – не понял тот.

– По-русски говоришь? – поинтересовался Барс.

– Говорю, говорю, много говорю, – отозвался воин, вытирая и убирая меч в ножны за правое плечо.

– Кто это? – показывая на дохлых тварей, задал Акела вопрос, не дающий ему покоя с момента окончания сшибки. Новый знакомец пожал плечами.

– Они не представились.

Друзья, переглянувшись, рассмеялись. С чувством юмора у этого парня полный порядок.

– Это горгульи, – спокойно сказал старый воин. – Честно говоря, никогда не думал, что можно отбиться одному от троих, не то, что от шестерых. Кто учил тебя рубиться? Небось, викинги?

– И они тоже, – лаконично ответил тот.

У него в речи был какой-то мягкий грассирующий акцент.

Поразмышляв, Акела пришёл к выводу, что больше всего он похож на французский. Если тут обнаружались предки русских, почему бы не быть и предкам французов. Как там они звались – норманны, галлы?

Возле костра он лучше рассмотрел спасённого. Это, несомненно, был профессиональный воин. Высокий, худощавый, на вид лет двадцати пяти максимум, перевитые жилами руки и мягкие движения. Одет он был в кожаные мягкие штаны, заправленные в высокие сапоги и тёплую, мехом внутрь, безрукавку. Соломенного цвета волосы собраны в хвост на затылке, красное обветренное лицо, нос с заметной горбинкой, высокий лоб – в общем, своим видом новый знакомец вызывал уважение.

Жила, тем временем, выполняя долг гостеприимства, подал вновь прибывшему кусок жареного мяса и ковш браги. Пока он ел и пил, никто не приставал к нему с вопросами. Поставив на землю пустой ковшик, воин учтиво поблагодарил за спасение и за приют.

– Моя родная земля расположена на Западе, я уже привык, что здесь её мало кто знает.

– Странно, – тихонько сказал другу Барс. – Внешним видом он больше напоминает викинга, чем французского дворянина. Хотя... Мы и своё-то прошлое как следует, не знаем, а это, вообще, другая реальность.

Акела согласно кивнул, внимательно слушая парня.

– Отец мой, да успокоится с миром его душа, – продолжал

рассказ Серж. – Владел замком на севере Галлии, на берегу моря. Когда мне было семь лет, на наши владения напали норманны. Вы их зовёте ругами, сами же себя они называют викингами. Отец рубился до последнего и сложил голову на пороге спальни матери, где мы с ней прятались вдвоём. Нас обоих захватил конунг, их вождь, который сразил мечом моего отца.

Я и тогда был воином, но семь лет – это только семь лет. Стащил нож и ночью попробовал убить того норманна. Он отобрал его у меня, но не убил, только надавал крепких подзатыльников, а потом объяснил, что моего отца он убил в честном поединке один на один.

«Твой отец, – сказал он мне. – был настоящий воин. Я с большим трудом победил его, но победил честно. А ты хотел меня зарезать исподтишка, ночью спящего, как трус. Это недостойно сына такого славного воина. Тебя извиняет лишь то, что ты ещё щенок и ничего не понимаешь в этой жизни. Я не убью тебя, для меня в этом нет чести. Когда ты вырастешь и станешь настоящим воином, я разрешу тебе подраться со мной, ты имеешь на это право, сейчас же ты молокосос, связываться с которым для меня – позор. Надо мной будут смеяться женщины и Один лишит меня удачи. Иди к матери и не мешай мне спать».

Ле Кок замолчал и, глубоко затянувшись цыгаркой, глядя сквозь огонь куда-то далеко. Блики пламени плясали на его грустном лице.

– Ну и что? – первой не выдержала Смышлёна. – Ты убил его, когда вырос?

Серж улыбнулся, очнувшись от дум.

– Я вырос в его семье, потому что мою мать он взял третьей женой, и она перестала быть рабыней. Меня он растил, ничем не отделяя от родных сыновей. Этот конунг сам учил меня сражаться. Некоторые говорили, что глупо собственными руками растить собственную смерть. Но он только смеялся им в лицо и говорил, что умрёт не раньше, чем Норны [1] оборвут его нить. На это, любил добавлять конунг, совершенно не влияет присутствие в его доме сопливого мальчишки.

Когда я вырос, стал в его дружине одним из лучших бойцов. А потом конунг погиб в одном из набегов. Место вождя занял его брат и нас с матерью отпустил. Вот тут мы и решили вернуться в старый замок моего отца, в Галлию. В живых там осталась только тётка, сестра моего покойного отца. Вот уж воистину настоящая мегера! Никак она меня не желала признавать за своего племянника. Приходилось всё богатство нам с матерью возвращать, как законным наследникам. А вот этого ей делать совсем не хотелось, своим давно уже считала.

Устал я изрядно от этой вздорной бабы. Мало того, что пытается диктовать условия мне в моей же вотчине, так ещё матушку мою взялась изводить. А без злобного шипения она в мою сторону и смотреть не могла. Вспомнил я методы вос-

питания моего приёмного отца в подобных случаях. Пороть не стал, хотя рука так и зудела. Сгрёб старую дуру, да недельку в конюшне на привязи подержал, а после честно предупредил, что при малейшем неповиновении отправлю в монастырь грехи замаливать.

– И как? – поинтересовался улыбающийся Барс. – Помогло?

– Ещё как, – довольно усмехнулся рассказчик. – С тех пор сидит мышкой в своей комнате. Тихо вышивает, вяжет или яблоки на зиму сушит и, чтоб я сдох, никаких истерик!

Норманнов у нас не любят и по глупости своей некоторые попытались насмеяться надо мной. Они обвиняли меня в трусости и называли норманнским выкормышем. Трех, самых дерзких, я вызвал на поединок и убил, а остальные мигом угомонились. Но добился я только того, что эти надутые индюки стали меня сторониться и избегать. Трусы!

Через год мать умерла и я отправился путешествовать. Два года я прослужил в дружине беломорского кнеза Радогоста, вот там я и привык к русскому говору. Сейчас шёл в стольный град, наняться в дружину Великого Кнеза Брана. Встретился с этими уродинами, а дальше вы всё знаете. А куда направляетесь вы, если, конечно, это не секрет?

Все покосились на Жилу – он главный и ему и только ему решать, что ответить? Быть ли спасённому викингу просто прохожим человеком или заслуживает он того, чтобы взять его в попутчики. По здравому размышлению, боец такого

уровня в дороге – находка. Подсылком он быть просто не может, бой в одиночку с шестью горгульями – слишком сложная «внедрёнка», это уже не «крот», а чистой воды камикадзе.

При этой мысли Акела улыбнулся слегка и встретился с весёлыми глазами Барса. Похоже, и Андрюхе в голову та же мысль пришла. Неудивительно, они уже сто раз убеждались, что у них «мозги на одной волне работают».

– Мы направляемся в стольный град, – спокойно отозвался Жила. – Можешь быть нам попутчиком, если сам захочешь. Я не предлагаю тебе платы, но ты всю дорогу будешь иметь место за столом. В Червлянске я могу замолвить за тебя слово перед начальником стражи, он мой родственник.

– Почту за честь, – с лёгким поклоном согласился Серж, – вот только, два дня назад прохожий у костра рассказал мне, что с восшествием Великого Кнеза на престол связана какая-то тёмная история. Но подробностей он не знал. Тогда я задумался, – мне бы не хотелось оказаться на службе у человека, который замарал себя позорным поступком. Ведь тогда пострадает и моя честь. Не можешь ли ты, уважаемый, рассказать мне об этой истории? Что там произошло с его отцом и старшим братом? Ведь, насколько я понимаю в вашей Правде [1], престол должен наследовать старший брат?

– Я знаю эту историю. – Жила почесал бороду. – но в ней нет ничего позорящего Великого Кнеза Брана. Когда старшему брату Володу было двадцать три, а Брану двадцать, их

отца, тогдашнего Великого Кнеза Хоробра, пытались убить. Подсылы были схвачены, но успели принять яд. Стали про них выяснять – что и как? Человек, у которого они жили, рассказал, что один из них как-то похвалился, что их жалует кнезич Волод.

Старый Кнез не счёл это доказательство достаточным, чтобы обвинить любимого сына. Через некоторое время, однако, на жизнь Хоробра снова покусились. На сей раз удачно. Говорят, против Волода снова были какие-то доказательства.

– Его судили? – заинтересованно спросил Акела.

Его, как юриста, заинтересовала эта криминальная драма.

– Он сбежал, – коротко ответил купец. – Через несколько дней его труп выловили из реки. Но он не утонул. Раны на голове и теле говорили о жестокой сече, в которой он побывал. Великим Кнезом по праву стал кнезич Бран. Видишь ли ты, викинг, в этой истории что-либо, бросающее тень на имя Брана?

– Нет. В этой истории нет ничего, что бы бросило на него тень, – задумчиво ответил Серж.

– Странная история. – тихо сказал Акела Барсу.

– Да, – задумчиво прищурившись, ответил друг. – На мой неискушённый взгляд, слегка отдаёт подставой.

– Именно. – кивнул бывший мент.

– А как вы думаете переправляться через реку?

– По мосту, – с лёгким недоумением ответил Сержу купец. – Там раньше был мост, разве нет?

– Мост действительно был, – согласился викинг. – Но его две недели назад сожгли разбойники из шайки Лутони. Меня самого только позавчера предупредили. Я-то хотел просто переплыть эту реку, но с вьючными лошадьми и, тем более, с дамой, это невозможно.

– А ещё, наверное, у бывшего моста может ждать этот самый Лутоня со товарищи. Иначе, зачем ему мост палить? – добавил Барс.

– Очень возможно, – подтвердил Серж.

Купец, не обращая внимания на присутствие дочери, замысловато выругался. В этой затейливой фразе очень лапидарно были изложены детали зачатия, рождения и основные жизненные вехи пресловутого Лутони. В нескольких словах также вскользь были упомянуты его товарищи.

Смышлёна, опустив глаза, слегка порозовела. Мужики с уважением глянули на купца, отдавая дань уважения и форме и стилю фразы. Даже Барс, как бывший флотский офицер, по глазам видно, оценил как надо.

– Здесь неподалёку есть село с трактиром. – подал голос Малыш. – там раньше мужики подрабатывали перевозом. Помогали, если кому было неохота крюк делать. И сейчас, наверное, возят, тем более, если уж две седмицы моста нет.

– Дорогу знаешь? – коротко спросил Жила.

– Напрямик вёрст десять, а через свёрток раза в полтора больше. Если с утра выйдем, к вечеру будем там. На постоянном дворе переночуем, а утром, помоги Дажьбог, перепра-

ВИМЯ.

– Дело. Кто в стражу – заступай, прочие – спать, – распорядился купец.

...Акеле выпало стоять «собаку», самую неудобную и опасную стражу. Под утро можно, моргнув один раз, только раскрыть глаза уже на том свете. Когда соседи по очереди в чистилище толкнут в бочину, чтобы не проспал своё приглашение в рай или в ад. В зыбком рассвете галлюцинации объёмны и красочны, а реальные объекты смутны и зыбки.

Но он с годами привык, потому эту стражу стоял лучше, чем даже первую. Тем более, что сидеть у костра с самострелом на коленях всё-таки легче, чем, стоя с автоматом навывтяжку, до боли вглядываться в темень. Можно и чаю глотнуть, и покурить потихоньку.

Уловив краем глаза какое-то движение, Акела тихо развернул самострел.

– Борисыч, не пальни, свои, – послышался шёпот Андрея.

– А пароль «мушка» знаешь? – тут же шёпотом спросил он.

– А то, как же! – тихонько возмущился «оскорблённый» в лучших чувствах старый друг. – Что же я, за двадцать лет «мушку» наизусть не выучу?

– Тогда присаживайся, будешь меня от бдительности отвлекать.

Барс хмыкнул тихонько – Борисыч в своём репертуаре, снова пошёл травить. Уселся по-турецки рядом, задумчиво

щуря на мерцающие угли светлые глаза.

– Борисыч, тебе некоторые вещи тут не кажутся странными?

– Ещё как кажутся. Табак без Колумба и, кстати, задолго до него.

– Чай не забудь.

– Нет, брат, чай как раз не из этой области.

– То есть как это? Чай к нам когда завезли, в смысле, в Россию?

Акела отрицательно помотал головой.

– Андрюша, этого самого китайско-индийского чая здесь ещё нет. Это же кипрейный чай, ты разве не понял?

– Это из иван-чая который? Вот те на! Здорово. А он, кстати, когда на Руси появился?

– Я не знаю. По-моему, он очень давно был. Как ты заметил, он ничем не хуже, если не лучше. Когда на Руси появился тот чай, к которому мы привыкли, кипрейный с ним конкурировал вполне успешно. Его производителей иностранные купцы, как обычно, «сожрали» с помощи интриг через наших чиновников. Ну, в общем, всё как обычно.

– Если здесь адаптируемся, можно им этот гешефт полоть.

– Не стоит, – Акела встал и, разминая затёкшие ноги, прошёлся взад-вперёд.

От промозглой утренней сырости становилось зябко. Он поворошил угли и подбросил в костёр хвороста, вспыхнув-

шие язычки пламени с треском принялись глотать свежую пищу.

– Это пуркуа?

– «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовётся».

– Опять не понял.

– Это товарищ Тютчев сказал, по-моему, дело сказал.

– Борисыч, про Тютчева я в курсе. Что ты этим хотел сказать?

– Погоди-ка, – Акела насторожился.

В серых сумерках рассвета ему почудилось какое-то движение. словно в кустах промелькнуло что-то крупное, бесшумно двигаясь вокруг поляны. Такое бывает, когда добычу скрадывает медведь или другой крупный хищник. Это только несведущие люди свято уверены, что «крупный» и «неуклюжий» – синонимы. Громадный медведь может подойти сзади так, что обнаружишь его не раньше, чем он начнёт скручивать тебе головёнку. Андрей, внешне оставаясь безучастным, напряжённо сканировал окружающее пространство.

– Ничего, – Акела присел.

– Так, что ты хотел сказать, Борисыч?

– А, да. Читал я один фантастический рассказ. Героев Судьба, уж не помню, как именно, забросила к индейцам доколумбовой эпохи. А они, как нарочно, очень тяжело этот период в истории переживали, в смысле, что испанские варвары погубили могучую индейскую цивилизацию, ну, и так

далее и более того.

– И сейчас есть такая точка зрения, – заметил Барс.

– Да, я тоже читал где-то. И вот эти молодые и горячие ребята решили проклятым завоевателям подложить классическую свинью в шоколаде.

– Почему в шоколаде?

– Как почему? Индейцы же коричневые, ты разве не знал? – ехидно спросил Акела.

– Тьфу на тебя. Давай дальше.

– А дальше просто. Чтобы цивилизацию этих островитян подстегнуть, они разожгли войну между двумя родственными племенами и поддерживали искусственно пару поколений. Как эти идеалисты и рассчитывали, индейцы несказанно продвинулись, изобрели оружие, похожее на огнестрельное...

– Почему «похожее»? – заинтересовался профессиональный вояка.

– Там энергия расширения пороховых газов использовалась, как в базуке, то есть, снаряды, от пули до гранаты, вылетали из трубы, как ракета, на собственной тяге. Понял?

– А то. Так что плохого случилось с этими бедными идеалистами?

– Дальше просто. Пришли проклятые конкистадоры, дикари расправились с ними, как повар с картошкой.

– А потом?

– А потом дикари отправились завоёвывать их земли, то

есть, Европу и иже с ней. Тут уж даже сами идеалисты догадались, какие они мудаки. Потому что эти дикари так и остались дикарями во всём, кроме военных технологий. Представляешь, какой «реннесанс» они там устроят?

– Да, уж. А ты, случаем, ни на что ещё не намекаешь?

– Разве только на чай, – усмехнулся Акела. – В смысле, чаю можно попить. Кипрейного. Пока его индийский не вытеснил.

– Любишь ты голову человеку заморочить. Если такой умный, чего тогда строем не ходишь?

Ответ он знал и сам, потому Акела только широко улыбнулся в ответ. Лагерь уже начинал просыпаться. Из шатра Жилы вышла Смышлёна и застенчиво шмыгнула в кусты. Из общего шатра вышел голый по пояс Серж с деревянным мечом и, поздоровавшись с друзьями, стал заниматься «правилом». Остальные трое, выйдя, уселись возле костра и сосредоточенно пили крепкий утренний чай.

...К вечеру этого дня до села Угóльного они добрались без приключений. Сельская окраина, согласно давней традиции, встретила их собачьим лаем. Стая собак старательно делала панику, изображая, что они отрабатывают регулярно выдаваемые им объедки. Вьючные лошади, уважая их труд, фыркали, делая вид, что принимают всё это безобразие всерьёз.

Усталые люди, не опускаясь до подобных пошлостей, просто шагали по улице мимо бревенчатых изб. Скрипели колодезные журавли, мелькали бабы платки, мужики обтёсыва-

ли брёвна. Усталые косари возвращались с поля, бродили телята – весь жила своей обыденной жизнью, не тратя на путников внимания зря.

Трактир назывался «Поющая птица». На улице уже смеркалось. Изнутри слышался задорный молодой голос, распеваящий какую-то песню. Прислушавшись, друзья разобрали слова.

...И, как ты не берегися от острога и сумы,
Избежать их не сумели даже светлые умы.
Опыт горем прирастает, лишь страдая и греша,
И становится светлее наша русская душа...

Друзья удивлённо переглянулись – философские, однако, вещи выдаёт эта «птица». Прямо бардовский уровень с поправкой, конечно, на здешний менталитет. Даже мелодия похожа на «Балладу о Робине Гуде» Высоцкого. Что ни говори, Русь талантами никогда не обеднеет, даже в параллельном пространстве. Интересно, были ли подобные баллады в нашем прошлом? Кроме протяжных хоровых песен да былин в стиле медленного рэпа, вроде бы, нет. А может, просто потерялись в веках, не такое забывать умудрялись...

В трактире было тепло, пахло жареным мясом и какими-то специями. Столы были заполнены примерно на треть. Акела привычно огляделся, оценивая обстановку. Пьяных за столами практически нет, хотя и видно, что о «сухом законе» тут и слыхом не слыхали. Пару столов занимает ком-

пания вроде их самих, несколько явно местных жителей. За стойкой здоровенный бородатый мужик, с таким не забалуешь. Да и охранник у входа не хилый дядька. Не вставая из-за стола, цепко окинул вошедших взглядом и снова уставил рассеянный взгляд в сторону певца.

...Кто в свином хлеву родился,
Кто под княжеским плащом,
Всё едино породнился
Со стрелой и кистенём.
Ты прости меня, невеста,
Не ругай, старушка-мать,
Уж такая, видно, доля,
В «зернь» со смертью поиграть...

Акела, придвигая к себе миску с чем-то вкусно пахнущим, внимательно посмотрел на поющего. Молодой светловолосый мужик, чуть скуластое лицо, светлые глаза простодушно глядят из-под низких выцветших бровей. Не слишком-то высок, но, как говорится, скроен ладно. Если судить по тому, как он приплясывал слегка, распевая под гусли, силён и вёрток. Слишком силён и слишком вёрток для бродячего певуна. Такая динамика движений бывает у хороших боевиков.

Случается, что и бродячие менестрели бывают хорошими рубаками, но это, скорее, исключение из общего правила, а нормального охранника вот такие вот аномалии и должны настораживать.

– Василич, – тихо сказал он Барсу, который, казалось, поглощён исключительно обглаживанием аппетитной свиной ножки. – Обрати внимание на этого акына.

– И смотреть на него нечего, – отозвался Барс, не поднимая глаз от чашки. – Разбойник, скорее всего. Здесь бывает редко, хотя и не впервые. «Телок» [1] у дверей, заметь, прямо на него не пялится, но и из поля зрения не выпускает, матёрый дядька.

– Надо наших предупредить.

– Конечно, но здесь-то нам вряд ли что-нибудь угрожает. Вот, когда утром поедем...

– Понял.

Певец же, тем временем, устав, видимо, музицировать, пил брагу за соседним столом, исподволь бросая взгляды на юную Смышлёну, сидевшую рядом с отцом. Та, заметив, разумеется, такое к себе внимание, старательно «не замечая» взгляда музыканта, тренировалась в женском косоглазии. Акела тихонько улыбнулся. Двигайся в любую сторону пространственно-временного континуума, женщине везде женщина.

Засиживаться за столами ни у кого желания не было – все устали, как ездовые собаки. Заняв выделенные наверху две комнаты. – поменьше для Жилы с дочерью и побольше для охраны, все, кроме вахтенного, завалились спать.

Утром купец, наскоро перекусив, в сопровождении Мыся и Околела отправился на «стрелку» с лошадиным барышни-

ком. За завтраком Акела обратил внимание, что вчерашнего барда в зале не видеть.

– Хозяин, – обратился он к трактирщику. – А где певец давешний, спит, что ли, ещё?

– Он уж на девятой версте, – усмехнулся тот. – Волка ноги кормят.

– А я думал, что он здешний, – «простодушно» удивился Барс.

– Да, нет, – острый взгляд трактирщика проявил внимание к любопытным. – Бывает он тут редко, долго не задерживается, но плохого за ним, вроде, не замечено.

– Спасибо, хозяин, не сердись за любопытство, в дороге, оно, сам знаешь...

– Оно, конечно, – вежливо согласился тот и переключился на других посетителей.

В это время объявились отсутствующие. Купец, оглядев своё воинство, махнул рукой, давая команду на выход.

Акеле достался крепкий гнедой жеребец лет примерно пяти. Был, конечно, у него опыт в верховой езде, даже как-то раз помогал объезжать, отделавшись всего лишь смещением пяти поясничных позвонков. Но, в общем, взгромоздился он на своего Росинанта довольно уверенно, опять привыкая смотреть на землю с высоты конской спины.

Что же касается Барса, то его восползание на спину каурой кобылки живо напомнил Акеле одну забавную выдержку из петровских законов.

– Андрюха, слышал, что по этому поводу Пётр Первый в Воинском Уставе писал?

– И что же?

– «Офицерам полков пехотных в расположении кавалерийских частей верхом появляться запрет кладу, ибо своею посадкою гнусной, яко собака на заборе сидя, вызывают смех среди нижних чинов, что чести офицерской не способствует».

– Лапидарно сказано. Где вычитал, в оригинале?

– Вы мне бессовестно льстите. Да нет, конечно. У Бушкова. В «Пиранье», по-моему.

Кавалькада, тем временем, уже выезжала из села. Ей сопутствовал «греческий хор» довольных нежданному развлечению «шариков» и «тузиков».

– Мысь, – окликнул Акела старого воина. – Надо в оба глядеть, что-то не понравился мне вчерашний гусяр...

– Похож на подсыла от татей, – пожал плечами наёмник. – Так мы всегда в оба глядим, так что какая, в жопу, разница, подсыл он или нет?

– Резонно.

Переправа на двух больших лодках заняла часа два, включая сюда и те полчаса, в течение которых Жила безбожно торговался с перевозчиками. Выгрузившись, они проверили груз и двинулись дальше по узкой лесной дороге.

Копыта коней мягко стучали по свежей грунтовке, ещё чуть влажноватой от ночной росы. Лучи солнца ещё не за-

глянули сюда – сплошная стена деревьев, вплотную подступающих к дороге, закрывала её от света почти до самого полдня. Лес в основном был хвойным. Дорогу сумрачно охраняли старые тёмные ели. Под их сенью люди чувствовали себя довольно неудобно. Акеле вспомнилась поговорка: «В сосновом лесу веселиться, в берёзовом Богу молиться, в еловом с тоски удавиться».

Давиться, конечно, не наш стиль, но обстановочка действительно мрачноватая. Так и тянет оглянуться назад, какое-то тягостное чувство, словно под наблюдением. А может, это не только чувство?

– Барс, – тихонько окликнул он друга. – Ты ничего такого не чувствуешь?

– Есть такое дело, – признался тот. – По-моему, мы не одни. Не зря меня этот трактирный вокалист насторожил.

– Я тоже почему-то сразу про него подумал.

– Глюк на двоих – это реальность.

– Сам придумал? – заинтересованно спросил Акела друга.

– Сам.

– Класс.

...Солнце стояло высоко, время близилось к обеду. Уже устали ноги и болела задница. Отвыкшее от верховой езды тело нытьём в пояснице напоминало, что сорок пять не есть двадцать, это хозяин что-то напутал, по своему обыкновению. Самое поганое, что клятый неспешный аллюр дико укачивал – от мелькающего однообразия стволов в глаза хоть

спички вставляй.

Однообразие кончилось внезапно. Перед едущим впереди конём Малыша на дорогу из кустов вышел давешний менестрель. Конь, всхрапнув, остановился. Встали и остальные.

– Люди добрые, помогите сироте кто, чем может, – воззвал певец.

– С такой мордой здоровой побираться не стыдно? – отозвался Малыш. – Что, видать, пением не обогател, так, на большую дорогу вышел? Пропусти.

– Вот, так вот и живу, каждый так и норовит горемычного обидеть, – грустно отозвался «попрошайка».

Сделав шаг навстречу, он хотел поймать лошадь Малыша под уздцы, но не на того напал. Охранник дал коню шенкеля, натянув поводья. Жеребец взвился на дыбы, певун проворно отскочил и громко свистнул.

– Вперёд! – крикнул Барс, но было уже поздно.

Собственно, шансов уйти не было, с самого начала. Малыш покатился с седла со стрелой в плече. Охранники мгновенно замкнули кольцо, обнажив мечи и встав вокруг Жилы с дочерью. На дорогу выскочили вооружённые люди. Один, два, три... семеро! Плюс этот долбаный ашуг, черти б его взяли... Не так уж плохо, если бы не самострелы в руках у всех семи, взведённые и держащие их всех под прицелом.

Ещё несколько татей выломались из кустов с мечами и секирами в руках, считать стало некогда, да и бессмысленно. Уже кошке ясно, что влипли по самое «не балуйся» – слыш-

ком неравны были силы.

– Мужики, – мирно сказал певец. – Хотите – верьте, хотите, – нет, но мне до товаров ваших и даже до девицы-красы дела нет. Совсем. Пусть вот эти два витязя останутся, а вы езжайте с миром.

Он кивнул на Барса с Акелой. Немая сцена. Все с удивлением посмотрели сначала на разбойника, потом на друзей. Как, если бы сексуальный маньяк, выловив в тёмном переулке вожделенную девственницу, робко попросил автограф и коснуться губами затянутой в печатку ручки.

Впрочем, на удивление – секунда, столько же на рефлексии. Расчёт прост – спасённых больше, чем оставшихся, чай, не бином Ньютона. Обычное в нашей суровой профессии дело – «следую своим курсом».

– Парня перевяжи и два часа ни одна морда не шевелится, пока обоз не уйдёт подальше, – спокойно сказал главарию Акела.

– Идёт, – моментально согласился тот. – Коновал, живо!

Лохматый мужик, проворно убрав самострел, стал возиться с раненым. Вместе с атаманом они усадили в седло бледного, покрытого испариной Малыша. Тот несколько раз огорошил их незатёртыми перлами русской словесности, но разбойники даже ухом не повели. Дисциплинка в банде, видно, поставлена как надо. Караван приготовился к движению.

Купец хмуро отвёл глаза, Смышлёна, втянув голову в плечи, испуганно тарашила полные предательской влаги глаза.

Коллеги-телохранители дружески кивнули – им такие расклады были не в диковинку. Друзья кивнули им в ответ, неподвижно сидя в сёдлах. Попали крепко, но чувства безнадёжности не было – тут не расправа, тут какие-то игры. И оба, в принципе, смутно догадывались – какие именно. Только, при чём тут эти «романтики с большой дороги»?

Однако, день поганых сюрпризов, оказывается, ещё не показал дно. Успокоились они рановато. Едва обоз тронулся, заполошенно порскнуло с веток и разоралось, поднимая панику на всю округу, надоедливое сорочье племя. Эти горластые соглядатаи даром орать не станут. Они по врождённой вредности характера вечно предупреждают лесную братву о крадущихся охотниках или хищнике.

Долго гадать не пришлось. Бесшумно выросшие из кустов чёрные коренастые фигуры взяли в кольцо и разбойников и караван. На середину поляны вышел, видимо, главарь этих существ – в шлеме с высоким гребнем типа эллинского, в кирасе и кривым ятаганом в узловатой, заросшей густым волосом чёрной лапе.

Морда землисто-тёмная, хотя по строению более напоминала всё-таки лицо, а не звериную морду. Но назвать это «лицом» язык упорно отказывался, только мордой, рылом или харей – уродливая и косоглазая, вся какая-то асимметричная. Судя по рассказам Мыся о всякой пришедшей нечисти, выходило, что это как раз и есть чёрные орки.

Оглядев замерших людей, он гаркнул на ломаном рус-

ском: «Этим двоим. – он ткнул когтистым пальцем всё в тех же Акелу с Барсом. – бросить оружие и не сопротивляться, остальным бросить оружие, если хотите жить!»

– Не сопротивляться чему? – ехидно шепнул Барс, тихо опуская руку под плащ. Акела секундой раньше сжал пальцами клинок метательного ножа. Картинка вдруг смешалась, словно в отражение в воде бросили булыжник.

Атаман коротко, пронзительно свистнул, бросаясь ничком на дорогу. Те из татей, кто продолжал держать в руках насторожённые самострелы, разрядили их в ближайших орков. Телохранители закрыли собой купца с дочерью. Главарь орков рухнул навзничь с ножом Андрея в горле.

Спрыгнув с падающей лошади, Акела отбил удар секиры и длинным выпадом попытался достать горло нападающего. Ловок, шельма, ушёл прогибом... Краем глаза он засёк, как Барс сцепился на мечах с двумя орками, пока никто никого. А-а, твою мать! Проворный противник достал остриём клинка плечо. Тёплая струйка потекла под рубаху. Ерунда, чуть-чуть шкурку попортил. И тут орк повёл себя как-то странно. Вместо того, чтобы рубануть раненного от души по голове, он вдруг попытался схватить Акелу за горло и за руку. Вот, этого уж точно делать не стоило. Мечом вблизи не размахнуться, обойдёмся. Локоть левой руки с размаху ударил в висок, кость хрустнула. Нападающий мешком упал на траву.

Что-то блестящее прожужжало рядом, противник Жилы схватился за морду и упал, заливаясь кровью. Молодец,

Мысль! Арбалетная стрела, ударив старого воина в переносицу, смела его сухое тело в кусты. Спина Жилы открылась и один из гоблинов, замахнувшись мечом, бросился на купца сзади.

На Сержа наседали сразу трое. Один упал сразу, не успев даже взмахнуть своей алебардой, двое других проворно отскочили. Почти сразу упал навзничь с чёрной стрелой в горле мешковатый Околел. Викинг достал-таки одного из своих противников, того, что не успел отскочить подальше. Прыгнув вбок, он крутанулся красивым и страшным пируэтом, снёс голову стрелку, убившему Околела. Один из орков стал заходить ему со спины.

Акела прыгнул вперёд, резко сократив дистанцию. От верхнего правого замаха с резким приседом пустил меч по дуге под его правое колено. Ага! Наглухо не срубил, но зацепил неплохо. Развернулся лицом к другому, одновременно доставая из сапога нож, мгновенно оценил диспозицию. Так, один из чёрных уродов, не выпуская из рук самострела, крепко держит визжащую и брыкающуюся Смышлёну. Ну, это не смертельно.

Барс рубится с рослым орком, Серж гоняет сразу двоих, третьего он только что опрокинул пинком в грудь. Вокруг кипела настоящая мясорубка – разбойники оказались весьма лихими ребятами и бились стойко, как триста спартанцев. Коренастый орк с огромным шрамом через всю морду занёс ятаган над головой Акелы. Щита у того не было – он

так и не приобрёл пока привычку всюду таскать с собой эту «бандуру». Спасаясь от мощного засечного удара, он скользким блоком отвлёл ятаган левее себя. Резко выпрямляясь, от своей левой ноги подплужным «романским» [1] ударом глубоко разрубил орку грудь. В лицо плеснуло тёплым и воющим.

Отпрыгнув назад, он быстро огляделся – купец стоит с ножом у горла, который приставил ему из-за спины его оппонент. Остро отточенный конец меча легко вошёл в волосатую шею того, что с ножом. В следующий миг Акела прыгнул к тому, что держал за локти дочь купца. Дурак, нашёл время девок щупать. Ещё минус один! Смышлёна визжала в истерике, как резаная.

И тут вдруг раздались родные до боли хлопки пистолетных выстрелов. Барс, воспользовавшись тем, что один его противник отскочил, крутанул один из пируэтов кэндо. Затем, выхватив ИЖ-71 [1], разрядил оставшиеся семь патронов в нападающих. На этом бой закончился. Оставшиеся в живых орки, словно по команде, вдруг прыгнули в кусты и рванули прочь, только топот раздался за деревьями.

– Стоять! – остановил нескольких рванувшихся татей атаман. – Сдурели, олухи? Они вас в лесу, как кур, передушат.

Чуть помятая Смышлёна рыдала на груди у раненного Жилы, лежащего на обочине дороги.

– Перевяжи отца! – рыкнул на неё Акела. – Рыдать потом будешь.

Над местом битвы уже кружила пара воронов в ожидании поживы, оглашая окрестности нетерпеливым криком. Скоро на этот призыв потянулись их собратья, их немалый жизненный опыт показывал, что после людских стычек всегда появляются трупы.

Таковые не всегда предают земле, а вороны, как истинные санитары природы, всегда готовы очистить её от гниющей и разлагающейся плоти. Вот и теперь чёрные птицы расселись на деревьях, ожидая, когда оставшиеся в живых двуногие покинут место побоища. Тот же опыт подсказывал им, что похорон после таких вот стычек не устраивают и покойники от них никуда не денутся. Молодых и нетерпеливых успокаивали и понуждали к терпению крепкие клювы старых и седых патриархов.

Кругом слышались стоны и ругань. Тогда уцелевшие, уже не делясь на «казаков» и «разбойников», осмотрели друг друга, друзья оказали помощь Акеле. Тот был ранен хотя и легко, но певец предупредил, что своё оружие орки (а это действительно оказались они) часто смазывают всякой гадостью. По знаку вожака упомянутый Коновал, разжевав какую-то найденную неподалёку сочную травку, наложил её на рану и крепко забинтовал. Андрей отыскал в кустах труп вожака орков и, выдернув нож, чистил его землёй. После пушечной стрельбы многие недоумевающее поглядывали в его сторону, стараясь понять, что же это такое было? Но расспрашивать, конечно, не решились.

Малыш уже пришёл в себя и сидел, опираясь спиной на толстый ствол ясеня. Затягиваясь сигаркой, которую Акела сунул ему в рот, парень вслух сам с собой обсуждал способы казни для агрессоров. Впрочем, эти высказывания носили чисто риторический характер – живых орков на поляне не было. Неугомонный здоровяк тут же нашёл новую мишень для зубоскальства.

– Что, баян недоделанный, пошёл по шерсть, а вернулся стриженным?

– Тебя не спросил, деревенщина..., – равнодушно отпарировал атаман.

– Это точно, – в излюбленном своём стиле стал прибедняться здоровяк, – мы-то, святловодские, завсегда так. Токмо с вёски своей припрёмся, назём [1] с лаптей отряхнём, и зараз давай всех сударей благородных палкой дубасить, особливо которы по лесам с гусями да шестопёром шастают...

Разбойник, видимо, ценивший добрую шутку, весело оскалил белые крепкие зубы.

– Ловок брехать, шельма.

– Что-то личность мне твоя знакома, – Не унимался Малыш, готовя, по-видимому, очередную подначку.

– Так ты же в Светлограде бывал? – вопросом на вопрос ответил атаман.

Акела внимательно посмотрел на главаря разбойников.

– Так, орлы, потом воспоминаниями займёмся. Как зо-

вут-то тебя?

– Лутона.

– О, как! – не удержался Акела. – Барс, какая честь для нас, не какой-нибудь там пришей-пристебай, а сам Лутона. Но я одного не понял – за каким лешим ты к нам прицепился? Богатства большого у нас с собой не было...

– Из-за вас самих, – спокойно ответил разбойник. – Из-за тебя и... – он дёрнул головой в сторону Андрея. – ...из-за него. Мне позарез нужно было с вами поговорить без помех, а стали бы вы слушать какого-то бродягу. Вот и пришлось поставить вас перед таким выбором, даже мост нужда заставила сжечь. Я согласен заплатить вам и даже купцу за беспокойство. Одно условие – я с вами двоими должен поговорить.

– И с ним, – он указал глазами на Сержа. – Если он тоже из ваших.

– Из каких наших? – подал голос Барс.

– Из таких, которые вместе со своей вёсью из другого мира появились. Вас ведь должно четверо быть.

– Ну, твою дивизию, – всплеснул руками Акела. – Похоже, скоро белки на деревьях будут наше появление обсуждать!

Лутона обернулся в сторону раненых.

– Скажи, купец, подходят тебе мои условия?

– Да так-то оно так..., – с сомнением промямлил Жила, теребя в задумчивости густую бороду.

– По-моему, он не врёт, – вмешался в разговор Серж.

– Мне тоже так кажется, – согласился Акела. – Значит, сделаем так. Кто-нибудь из твоих орлов пусть слётает за деньгами. Потом мы все вместе едем в Червлянск. Я имею в виду только тебя, товарищи твои могут идти на все четыре стороны. По дороге можешь с нами говорить, пока нам не надоешь. На окраине города мы расстаёмся, и каждый едет по своим делам. Я, со своей стороны, ручаюсь, что, если ты не обманешь, мы тебя честно отпустим и день и ночь будем про тебя молчать. Подходит тебе такой расклад?

– Я согласен.

Лутоня жестом подозвал молодого парня. Тот наклонился ухом к атаману. Выслушав тихие инструкции, он встал и впросительном повороте посмотрел на Акелу. Атаман повелительно мотнул головой – сматывайся, мол. Разбойник нырнул в кусты и пропал. Барс перевёл взгляд на Лутоню, встретился с ним глазами.

– Если задумал измену, ты умрёшь не быстро, но наверняка.

– Для меня самый выгодный расклад – тот, что ты предложил, – усмехнулся атаман. – Подожди час – убедишься сам.

Час прошёл не в скучном ожидании, а в трудах и заботах. Выкопали на всех павших одну могилу и схоронили. На свежий, ещё осыпавшийся земляной холм закатали валун, помечая могилу. Может, когда и присядет возле него проходящий путник да помянет чарочкой. Или бросит за трапезой подле хлебных крошек на пропитание лесным птицам. Чай,

ведь тоже людьми были, грешно так оставлять.

Орков оттащили с тропы, скинув в овраг как обычную падаль. Судя по крикам ворон, моментально устремившихся туда и поднявших невообразимый гвалт, без внимания они не остались. Говорить не тянуло, от курева уже щипало язык. По счастью, на мирное конское фырканье и ржание, из леса выбрела убежавшая было лошадь, навьюченная съестным. Перекусили, выпили за помин души убиенных. Предложили разбойникам. От еды они отказались, но бражки выпили с удовольствием. Акела, прикурив сигарку, предложил кiset атаману. Тот, свернув себе солидную «ногу», со вкусом затянулся. В это время в кустах послышались шаги.

На дорогу вышел отпущенный разбойник с тяжёлым мешком на плече. Он с видимым облегчением сбросил звякнувшую мошну на землю.

– Проверяй, купец, – спокойно сказал Лутоня.

Примерно полчаса ушло на пересчёт серебра, пока, наконец, Жила не кивнул утвердительно. К тому времени все кони, кроме одного, уже собрались возле людей. Пропавший конь принадлежал Околелу, так что сожалеть о нём, по большому счёту, было некому. Путешественники, усевшись в сёдла, продолжили путь, оставив за спиной безымянную братскую могилу да пирующее воронье.

Вместо погибших Мыся и Околела рядом с безмятежным видом ехал знаменитый разбойник Лутоня. Разговор, которого столь дорогой ценой добивался этот, очень своеобраз-

ный тип, состоялся на первом привале.

– Ну, так что же за причина заставила тебя совершить столь дурацкий поступок? – спросил Акела знаменитого атамана. – И почему про тебя рассказывали, что ты очень умный и хитрый, а на нас ты полез, словно кабан в камыши?

– Всё очень просто, – отозвался, прихлёбывая чай, Лутоня. – У меня не было времени и народу было маловато, а ждать я не мог, хоть тресни. Мне нужно было перехватить вас до того, как вы встретитесь с Браном.

– Это с Великим Кнезом? – уточнил Барс. – Мы, вообще-то, не собирались с ним знакомиться.

– Зато он собирается познакомиться с вами как можно ближе. Не удивляйтесь, он уже знает о вас и о вашей веси. Той, которая появилась из грядущего времени, словно из-под земли. О вас, вообще, знает уже много народу. Гораздо больше, чем следовало бы.

– Так, – не выдержал Акела. – То, что про нас знает каждая собака, мы уже наслышаны. Вопрос – откуда? Второй вопрос: зачем мы вообще кому-то нужны? Великие Кнезы и знаменитые разбойники не устраивают такую бойню из простого любопытства. Я не прав?

– Ты прав, – спокойно кивнул Лутоня. – Оно и правда, надо вам всё рассказать по-порядку, а уж тогда решите сами – кому помогать.

– Валяй, – согласился Барс. – Мы сидим и внимательно слушаем тебя.

– Ну, слушайте, – без улыбки согласился атаман. – Историю Великого Кнеза Брана и его старшего брата вы уже слышали или ещё нет?

– Слышали, – кивнул Акела.

– Так, вот – кнезич Волод не покушался на своего отца, он его очень любил.

– Ну, это проверить уже нельзя, – поморщился Барс. – Хотя, история, и в самом деле, мне лично показалась тёмной. Волод уже ничего ни подтвердить, ни опровергнуть не может.

– Может, – невозмутимо парировал разбойник. – Кнезич Волод – это я. Правда, мне нечем эти слова подтвердить. Нет у меня ни рун на лбу, ни приметных родимых пятен на теле. Даже и не знаю – чем доказывать.

– А оно тебе надо? – пожал плечами Акела. – Какая тебе, по большому счёту, разница, верим мы в это или нет. Наверное, важнее, чтобы верил ты сам и твои разбойники, пожалуйста.

– Как раз разбойники-то и не знают, кто я такой на самом деле. Они знают только, что я не Лутоня. Да и то после встречи с вами осталось только трое, которые знали прежнего Лутоню. Знаю только я и еще двое при дворе Великого Кнеза.

Акела задумался. Надо же, как тут всё круто заворачивается. Поневоле поверишь в высшую целесообразность. В том смысле, что не были востребованы в своём мире именно потому, что их предназначение – вершить судьбы в этом. Он

усмехнулся про себя – каждому кажется, что он создан для великих дел. А, меж тем, веря в своё высокое предназначение, исправно ходит каждый день на скучную службу. И исправно высиживает там свои восемь часов, решая кроссворды, дымя в коридорах.

А за чаем (кофе, водкой, текилой, матэ – нужное подчеркнуть) в кругу себе подобных до хрипоты решает судьбы миров. А потом, придя домой, опускает шею, как тот ослик, выслушивая всё, что о нём думает жена, которая всегда права. И жалок жребий твой. Впрочем, мы отвлеклись. О чём там они?

– Всё страньше и страньше, – хмыкнул Барс. – Хорошо, давай пока оставим вопрос доверия к твоей личности и перейдём к более важному для нас вопросу – что вам всем от нас надо?

– Это просто. Есть предсказание, что Россию на краю пропасти спасут воины, пришедшие из другого мира. Никто не знал – что за воины и что за мир такой? Но вот помнить про это помнили, потому ваше появление многие связали с этим древним пророчеством.

Голубые глаза глядели внимательно. Нет, ни на сумасшедшего, ни на маньяка он нисколько не походил. Совершенный прагматик, хотя, кажется, с небольшим романтически-авантюрным уклоном. Сложный тип, но интересный.

– Что касается лично меня, то я хочу посчитаться с вероломным братом и вернуть себе престол. Когда с этим вопро-

сом я пришёл к Лесной Матери, она мне сказала, что вернуть себе корону Великого Кнеза мне помогут воины из другого мира. Но это будет в самое тяжёлое время для России, так что корона эта не покажется мне слишком лёгкой. Недавно верные мне люди из терема Брана донесли, что он тоже обращался к ней.

– И, что? – поинтересовался Акела. – Ему тоже она сказала про воинов из другого мира?

– В том-то и дело. Лесная Дева сказала, что они помогут ему и спасут Русь.

– Лесная Дева, Лесная Мать, – Акела был заинтересован. – Это ещё кто такая?

– Ну..., – слегка озадаченный, ответил Лутоня. – ...Её ещё Бабой-Ягой называют...

Взгляд Барса стал спокойным и как бы слегка рассеянным. Что-то сейчас выдаст.

– Я не понял – по этому предсказанию мы должны помочь тебе и твоему брату – это же, не то, чтобы разные вещи, а просто противоположные. Что-то не стыкуется у тебя.

– Вот этого-то я и сам понять не могу, – с досадой ударил себя кулаком по колену Лутоня. Нет, пожалуй, всё-таки Волод. Потому что будь он маньяк или псих, его доводы были бы логически безукоризненны. Раз у него одно с другим не сходится и он сам над этим ломает голову. По «бритве Оккама» [1], его история абсолютно проста и непротиворечива. В отличие от официальной версии, во всяком случае.

Был ещё один момент. Дело в том, что старый мент всегда чувствовал, когда врут. Он уже и сам не понимал, врождённое это качество или просто опыт, закреплённый на уровне первой сигнальной системы. Впрочем, как говорится, одно другому не мешает.

– Ну ладно, – вынес вердикт Акела. – Моё мнение – этот парень говорит правду.

– Мне кажется то же самое. Теперь другой вопрос – зачем тебе корона? Из чувства мести или есть другая причина?

– Есть причина, – вздохнул Волод. – Вы что-нибудь слышали про Орден Тернового Венца?

...До города караван добрался совершенно без приключений, даже зайцы дорогу не перебежали. Уже это заставило бы насторожиться людей и менее опытных, но Акела решительно не мог уловить – откуда это потягивает прохладным сквознячком беспокойства. Барс тоже ничем, кроме неясного беспокойства, похвалиться не мог. Впрочем, на всякого мудреца, как известно, довольно простоты.

На окраине городка купец простился с путниками, пожелал Лутоне не попадаться и сопровождаемый Малышом, двинулся по улице, ведущей в центр. Следом поехали Смышлёна и Малыш, наблюдающий выючных лошадей. Серж, дружески попрощавшись, поехал следом. Малыш придержал коня.

– Слыш, гусяр, мы что, действительно с тобой встречались?

– Конечно. Помнишь мастерскую свежего воздуха?

– Чего? – растерялся тот.

– Ну, которая за стеклянным мостиком. Там ещё рядом кузница, где гусей куют...

– Тьфу на тебя! – засмеялся Малыш и, дав коню шенкеля, поскакал следом за караваном.

– Ну, что, какие планы?

Волод ответил вопросительным взглядом – постановка вопроса была для него незнакомой.

– Он спрашивает – куда поедем, что делать будем? – пояснил Акела. Кнезич пожал плечами.

– Не знаю пока. Зайду где-нибудь поем и в обратный путь.

– Насчёт поесть, кстати, мысль хорошая.

– Борисыч, ты не задумывался, что аппетит не по возрасту?

– Андрей Василич, у меня только моя морщинистая морда соответствует возрасту, прочее же – увы. Поехали жрать.

Глава 3. Встречи на высшем уровне

*Кабы ведал ты, Федот,
На кого ты тратишь пот,
Так и шагу бы не сделал
От родимых от ворот.*

Л. Филатов

*«Сказка про Федота-стрельца,
удалого молодца»*

Трактир нашёлся на соседней улице. Был он, правда небольшим, но внутри вполне чистым и уютным, народу немного. За одним из шести столов сидел седобородый старик вельможного вида и совсем молоденькая девушка, почти девочка, одетая тоже весьма престижно. И вот, тут коварная тётка по имени Фортуна, решила явить свой коварный нрав, и ни с того ни с сего повернулась задом.

Едва путешественники вошли в трактир, старик с девушкой глянули на них мельком и вдруг оба замерли, уставившись на Волода. «Вляпались», – мелькнуло в голове Акелы. Волод же, смертельно побледнев, замер на месте.

– Ты?!

– Дядя?!

Вскочив из-за стола, оба бросились к кнезичу. Девочка повисла у него на шее, но старик быстро овладел собой.

– Тс-с, не поднимайте шума. Давайте тихо сядем за стол и поговорим. Эти люди... – он вопросительно глянул на друзей.

– Они всё знают, это друзья.

Старик не опустил вопросительного взгляда, давая понять, что информации ему недостаточно. Волод вздохнул.

– Родич, ты помнишь предсказание про воинов из веси, которая возникнет из грядущего времени?

– Ты что, хочешь сказать?.. – он пристально уставился на Барса, перевёл взгляд на Акелу.

– Может, всё-таки можно присесть? – слегка язвительно поинтересовался тот. Дед заметно смутился и сделал приглашающий жест. Все дружно уселись за стол, с интересом глядя друг на друга. Разговор продолжил Волод.

– Познакомьтесь. Это боярин Ставр, глава Земского Собора, мой родич. Это мои друзья Акела и Барс. А это, – Волод с улыбкой посмотрел на девушку. – Моя племянница Светлана, дочка моего брата Брана.

Девушка колоритная, чего уж там. Тёмно-русые волосы, зеленющие глаза, взгляд умный, острый – то ещё видимо зелье.

– Значит, ты, дядюшка, живой? А кого же вместо тебя схоронили?

– Хотел, Светланка, Лутоня меня в могилу положить, да моё место и занял. Как говорится, не рой яму другому...

Ставр метнул на кнезича быстрый взгляд.

– Значит, нынешний Лутоня...

– Это, родич, я самый и есть.

– Здорово, – восхитилась Светлана.

– Погодите, это потом, – Ставр нахмурился. – Тебя здесь кто-нибудь видел?

– Ну, если не считать купца...

– Купца? – боярин поморщился. – Вот уж кому я никогда бы не доверился...

– Стражники! – воскликнула девушка, глянув в окошко. Ставр среагировал мгновенно.

– Встретимся на нашем месте. Уходи через заднюю дверь! – скомандовал он Володу и повернулся к трактирщику. – Могута, проводи.

– А? – уже вскочив, кнезич остановился, выжидательно глядя на Барса с Акелой.

– О них не тревожься. Ну, пошёл!

Волод выскочил в маленькую дверку, которую упомянутый Могута за ним запер и снова оказался за стойкой с выражением «всё обрыдло» на здоровой морде.

Трах! – распахнувшаяся дверь грохнула о стену и в трактир ворвались стражники с оружием наготове. Все трое встали из-за стола. Ставр, надменно задрав голову, глянул на пришельцев.

– Что случилось, Маланя?

Первый из стражников, видимо, старший, крупный бело-волосый мужик, остановился резко, как взнузданный.

– Ставр?! Боярин, мы...

– Случилось что, спрашиваю?

– Купец донёс, что здесь Лутоня...

– Кто?! – Ставр изумился так натурально, что друзья переглянулись с невольным уважением – профессионал, видно сразу. – Купца задержать и ко мне в Собор, допрошу сам. Живей, покуда он ещё далеко не ушёл.

– Слушаю, боярин, – старший поклонился и стражники, нестройно топоча, гурьбой вышли за двери.

– А теперь, прошу дорогих гостей ко мне в терем – от греха подальше.

...Вечер прошёл под знаком вопросов и ответов. Сидя возле убранного после трапезы стола, Акела и Барс много нового узнали об этом мире, некоторые из пояснений Ставра удовлетворяли их любопытство. Иные же, напротив, разжигали его ещё больше. Это, несомненно, была дохристианская Русь. И всё же это была не совсем она. Сходства и различия было примерно поровну, хотя... Если, к примеру, брать сказочный аспект, который, к слову, здесь был абсолютной реальностью, то Акелу и раньше занимало это противоречие. Почему при небольшом расстоянии друг от друга в Западной Европе была одна нечисть, а на Руси совершенно другая? Ставр на этот вопрос, недоумённо пожав плечами, ответил совершенно спокойно.

– Да почему другая? Та же самая. Гномы под землёй и там и здесь, их вообще границы государств не волнуют, какие под землёй могут быть порубежья? Драконы, пропади они

пропадом, тоже везде одинаковые, только у нас их Змеями зовут.

– Горынычами? – спросил Барс.

– Горынычами только горных.

– А ещё какие есть? – заинтересовался Акела.

– Есть лесные, водяные, воздушные...

– А эльфы есть? – не унимался Барс.

– Берендеи? Как им не быть, есть и они. Не серчайте, ви-
язи, удивляете вы меня. Ровно как дети малые... Я думал,
вы у меня о государстве всё выпытывать будете.

– О государстве, у нас каждая кухарка всё знает, – усмех-
нулся Акела. – А вот про нечисть только сказки да песни
остались, да и те – кто в лес, кто по дрова.

– Сказки? – не понял боярин, так как этим словом в древ-
ности обозначался совершенно реальный документ.

– Ну, былины, – поправился Акела. – Так берендеи и есть
здешние эльфы?

– Нет, – не удержавшись, засмеялся Ставр. – Это эльфы –
тамошние берендеи.

Засмеялись и друзья.

– Вот что, ложитесь-ка вы почивать. Утро вечера мудре-
нее. Ибо утром Великий Кнез припожалует, давно он ждал –
когда же пророчество это сбудется. Да и я, признаться, тоже.

– А Светанка отцу, об ожившем дяде не проболтается? –
поинтересовался Барс.

– Зачем ей, – улыбнулся Ставр, – Волода она искренне лю-

бит, а потому и словом о нём не обмолвиться. Вы уж извините, что вас отдыхать спроваживаю, но мне и самому к нему на встречу поспешать пора.

...Великий Кнез Бран оказался удивительно похожим на своего старшего брата, только был темнее лицом и волосом, да серьёзнее, пожалуй. Они вошли вдвоём со Ставром. Барс и Акела, чтя субординацию, встали из-за стола. Бран махнул рукой.

– Садитесь, витязи, не в Думе, чай. Я Бран, Великий Кнез.

«Царь, очень приятно, царь...» – вспомнилось Акеле и он, подавив улыбку, представился. Барс последовал его примеру.

– Ну, с боярином Ставром вы уж познакомились. Кстати, что у Вас в трактире произошло? – серые глаза Брана пытливо глянули на друзей. – С вами что, действительно Лутоня был?

Ставр многозначительно глянул из-за плеча кнеза, но это было лишним – всё было оговорено ещё с вечера. Купец для начала, был должным образом запуган Ставром и только после «заступничества» Акелы, сменил гнев на милость и отпустил перепуганного Жилу. Друзья, попеняв иуде за длинный язык, напомнили ему о слухах насчёт того, что у Лутони «заручки» на уровне бояр и кнезов. А потому, посоветовали сказать, что он обознался – ведь иначе, могут и Лутонино серебро у него отнять и самого на дыбу за пособничество вздёрнуть, что купца душевно проняло.

С Малышом и Сержем они поговорили сами, рассказав им, что из-за неумной болтливости Жилы, сами спаслись от острога чудом. Воины, выругав доносчика, уговорились все говорить одно и то же. Вступили, тем самым, в то, что стряпчие имеют скверную привычку именовать «преступным сговором». На что, впрочем, всем им было в равной степени глубоко наплевать.

– Не знаю, – пожал плечами Акела. – По-моему, обознался купец.

– Да? Ну, ладно, коли так. Тогда наливайте себе мёда и будем о деле говорить, коли вы не против.

– Мы-то не против, – с простодушным лицом отвечал Барс. – Только многого понять ещё не можем. Да, поди, разъясните по ходу дела?

– Само собой, – важно кивнул головой Великий Кнез, приняв простодушие Андрея за чистую монету. – Что рассказать вам?

– С тех самых пор, как мы оказались здесь, – начал Барс. – Только и слышим, что Россию спасти должны. Мы так-то не против, только – от чего? Всё вроде на месте, никаких напастей мы не заметили, люди под твоей рукой живут неплохо. Так в чём тут закавыка?

– Да всё вроде и просто, да как вам это объяснить, коли вы нашего мира толком и не знаете. По-другому раньше-то было, вот что. А теперь... Боярин, у тебя ума палата, объясни. Не получается у меня что-то.

Ставр задумался, поглаживая седую бороду. Можно было поклясться, что за этим выпуклым лбом пощёлкивает и жужжит машинка не хуже «Intel Pentium 4».

– Прав Великий Кнез, что-то недоброе надвигается. Как моряк по цвету неба судит о надвигающемся шторме, так и я, многогрешный, всю жизнь проведя в делах думных, сужу о наступлении бед великих.

Видно было, что тут старый не лукавит ничуть и говорит всё это с неподдельной болью и беспокойством.

– Какие признаки? – по-деловому спросил Акела.

– Признаки? – задумался Ставр. – Самый первый – нечисть чуждая из-за границы к нам полезла. Раньше самой большой бедой было – разбойники в лесах, ну, лешак кого запутает или водяной утащит. А сейчас... Чёрные орки творят такое, что я о разбойниках вспоминаю, как о первой девке. Вера в богов пошатнулась, даже ты, Кнез, этому способствуешь, инородцев этих у себя привечая...

– Хватит! Об этом я раз и навсегда сказал – не твоего ума это дело. Мне со старой верой к западным государям ходу нет. Они все в Христа веруют и народы ихние тоже. А мы, до сей поры, в язычестве погрязли! Коли потребуется – половину страны калёным железом выжгу, а своего добыюсь. Потом народ сам мне спасибо скажет.

– Если живой останется, – негромко сказал Акела.

– Что?! И ты, витязь, туда же? Да я...

– Не спеши гневаться, кнез, – спокойно продолжил Аке-

ла. – Допреж всего знай, что мы сами христиане.

– Как это? – чуть растерялся Великий Кнез. – Так вы же из другого мира?

– Этот мир тоже русский, – сказал Барс. – И там были и Сварог и другие наши боги. И Христос тоже был и его тоже распяли на кресте.

– Видишь! – торжествующе воскликнул Бран. – Значит прав я, боярин, а ты мне супротивничаешь. Смотри!

– Прав, да не совсем, – опять вмешался Акела. – Сам Иисус против язычества выступал из-за того, что против человеческих жертвоприношений был. Христианская вера свет разума и добро проповедует, она против зла и крови. Как же ты тогда добро злом и страхом насаждать будешь?

– Может ты по-своему и прав, витязь, – с трудом сдерживаясь, глухим голосом ответил правитель. – Только, уж не посетуй. Свою волю я сам буду выражать, как сам на то нужным сочту. С нашим народом, только силком можно.

Он поймал упрямый взгляд Акелы и сжал пальцы в кулак. Вскочив со своего места, отпихнул помешавший стул и стал нервно расхаживать. Светланка, с испуганными глазами следила за отцом. Словно ища заступы, прижалась к Ставрцу, а он, не вмешиваясь в разговор, ласково поглаживал девчонку о голове.

– Я вас на службу беру, чтобы Руссию от напастей уберечь. А коли вы у меня на службе, то законом для вас будет моё слово, а не его, – Бран мотнул головой в сторону нахохлив-

шегоя боярина.

Акела опустил глаза, чтобы Кнез не увидел в них то, от чего начальство вечно заводится. Вот и сейчас – ни хрена сам сделать не может, вокруг себя очевидных вещей не замечает, а признаться – ну, как же? Мы же принимаем решения, единственно верные и неоспоримо мудрые.

Даже когда у власть предержащих (за некоторым, впрочем, исключением) хватает ума пригласить для чего-то спецов, всё равно душа не терпит покомандовать. Нагрузить по самое не хочу ценными и ещё более ценными указаниями. Ну, казалось бы, если ты такой умный – делай сам, зачем ты тогда нас-то позвал? Вот и этот хорош. Властелин, твою мать. Кошке ясно, что он в полной растерянности. А умное лицо исправно держит, тут-то он профи, как все политики. Впрочем, политик – это если умной морды что-то есть за душой. А если только морда, тогда политикан. Последних, увы, куда побольше. Так, пора этот словесный понос прекращать.

– Добро тебе, господин Великий Кнез, – голос Акелы звучал ровно и уважительно. Глаза Андрея заискрились, этот тон Борисыча он хорошо знал, не раз наблюдал, как вот этак ровно и вежливо друг умеет возить мордой по асфальту забывшихся. – Как я понимаю, ты уже знаешь, как Россию спасти и от чего. Правильно я тебя понял, не ошибся?

– Коли бы знал – зачем бы я вас столько ждал? А почему ты об этом спрашиваешь?

– Да просто мне стало интересно – вот почему. Значит,

на Руси начала твориться какая-то погань, но концов вы пока не нашли. Так?

– Ну, так.

– Значит, Баба-Яга вам сказала, что самим вам эту беду не изжить, а нужно ждать воинов из другого мира, то есть нас нас. Мы с этой пакостью справимся, но как – вы не знаете? – голос его прозвучал вкрадчиво. – Так? Я ничего пока не перепутал?

Кнез со Ставром промолчали. Уже лучше, значит, не дураки и тоже видят эти неувязки.

– Ну, я не буду kota за хвост тянуть. Поясню сразу ещё одну вещь – почему мы согласны эту службу сослужить. Просто этот мир, теперь и наш тоже. Коли Руссия сгинет, то, стало быть, и мы с ней заодно. Теперь о том, как мы это делать будем. А как Бог на душу положит. Вы можете хорошо нам помочь, так помогите. Русь-то у нас одна. Барс, я правильно всё сказал?

Андрей молча кивнул.

Хозяева переглянулись. Потемневшее было, лицо Брана, снова приобрело нормальный цвет, тяжёлая складка меж бровей Ставра разгладилась.

– Добро, витязи, – голос Кнеза звучал ровно. – Подумайте, завтра выслушаю вас и тогда уже всё решу, – напомнил как бы, что здесь всё-таки он главный.

Что называется – «хорошая мина при плохой игре». Ну, что ж, только дурак стремится сильного противника загнать

в угол. Всегда нужно давать простор для отхода, кроме тех случаев, когда война идёт на тотальное уничтожение. Поэтому они с уважением склонили головы, как бы заранее соглашаясь с мудрым, единственно верным решением Великого Кнеза. Кивком попрощавшись, Бран вышел, сопровождаемый боярином Ставром. Друзья посмотрели друг на друга.

– Василич, я тут ничего не перемудрил?

– А как ты мог перемудрить, если мы ничего ещё толком не знаем? Сейчас, по-моему, нужно заручиться полномочиями, средствами и ехать в Грушевку к мужикам. Коли такое пророчество существует, оно наверняка касается всех четверых. А по дороге займёмся сбором информации.

– В общем, пока работаем по классической схеме.

– Вот-вот, по ней, родимой. Вы же в своей конторе тоже тактику спецопераций изучали?

– Я и словов-то таких сроду не слышал, – усмехнулся Акела.

– Ну-ну, – усмехнулся Барс. – Так, что мы имеем с гуся? Первое – налицо экспансия всякой иноземной нечисти на Русь. Стало быть, у здешней, по непонятным пока причинам, позиции ослабли. Второе – нравственные ориентиры здешнего народа мне не очень-то известны, тут ты, Борисыч, со своим «Вуду» (так Андрей в шутку называл хобби Акелы – астропсихологию) лучше разберёшься.

– Третье, – дополнил Акела. – Сами братцы-кнезы. Тут пока ясность, как в том анекдоте – не поймешь, кто кого тра-

хает и все шевелятся. С этим тоже нужно определиться. Хотя, при том, что старший кажется мне заслуживающим доверия, младший на отцеубийцу не тянет.

– Какие ты видишь пути решения? – серьёзно спросил Барс.

– Пока стандарт. Разведка— анализ— прогноз. Тактика, по крайней мере, пока – малых воздействий по ключевым позициям.

– Я думаю, не только малых. Мы же всё-таки на самом, что ни на есть, верхнем уровне работаем. Возможно, ситуация уже настолько запущена, что придётся её зачищать уже глобально, на стратегическом уровне.

– Мне тут перед самой переброской Стас свежую хохму подкинул, – хмыкнул Акела. – «Есть такая профессия – Родину зачищать».

Андрей улыбнулся, по достоинству оценив специфический юмор.

– Молодец, формы не теряешь. Может, совершим променад после завтрака, а заодно и «о делах наших скорбных покалякаем», – очень похоже изобразил он интонацию бессмертного Джигарханяна в роли Горбатого.

– Пошли. В свободе передвижения нас вроде не ограничивали.

Действительно, через двор они прошли без каких-либо затруднений. Стража у красивых резных ворот коротко кивнула, здороваясь. Старший, высокий жилистый мужик с длин-

ными усами, похоже, викинг, распахнул воротца, выпуская их на улицу.

– Город знаете? – коротко поинтересовался он.

– Не заблудимся, – улыбнулся Акела. – Язык до Киева доведёт.

– Где это – Киев? – недоумённо поднял брови Викинг.

– Очень далеко, но язык и туда может довести, – не растерялся Барс и, дружески кивнув старшему, они неспешно пошли по улице.

Нельзя сказать, что она так уж поражала воображение, но всё-таки то, что это стольный град, чувствовалось. Сказывалось в обилии резных теремов, составляющих улицу и буйстве зелени, видимо, здесь был район знати и богачей.

– Древняя «Рублёвка», – улыбнулся Андрей.

– Тогда уж Кутузовский проспект, – на полном серьёзе высказался Акела. – Тут всё ж таки город, а не дачный посёлок.

– Вообще-то, да, – так же серьёзно согласился Барс и оба фыркнули, как мальчишки.

Ноги вынесли их на просторную красивую площадь. Красивой её делало обилие хорошо одетых людей, снующих туда-сюда, большой терем, покрытый резьбой по самым маковкам, даже торговые лотки и палатки, стоящие у ворот, выглядели празднично.

– А вот это, похоже, резиденция.

– Похоже, – согласился Акела. – Интересно, Сержу уда-

лось сюда пристроиться или нет?

– У Ставра узнаем, сейчас сюда соваться не следует.

– Да у меня этого и в мыслях нет. Пошли дальше погуляем.

Они прошли через площадь и оказались в торговых рядах. Не зря Екатерина Великая первым делом требовала информацию именно о базаре. Тут действительно при грамотном подходе можно многое почерпнуть в плане информации об экономике государства.

– Борисыч, ты только погляди, какие персонажи!

Да уж, что и говорить, личности тут были яркие и запоминающиеся. Чего стоит один этот мясник в раме из всевозможных свиных-говяжьих фрагментов. Малюта Скуратов рядом с ним показался бы смешным, как Мурзилка. Рядом лавка булочника и он сам, со связками баранок на груди, расхваливает свой товар. Румяные калачи да духовитые караваи на лотках, в плетёной корзине возлежат мягкие бублики с маком. От одного только запаха невольно слюни сглатываешь.

Сгорбленная старуха торгуется с мальчишкой лотошником и всем ясно, что оба получают удовольствие просто от самого процесса. Рядом с ними, кусая белыми зубками купленный бабкой медовый пряник, весело глядит девчонка-подросток. Как пить дать, в следующий бабулин приход сюда, не минуют лотошника жаркие торги за один-единственный пряник.

Разбитной коробейник звонко сыплет прибаутками, предлагая почтенной покупательнице шитые мелким жемчугом пояски, атласные ленты, иголки, нитки да румяна. Выюном ходил вокруг и... уговорил-таки, уломал привереду, продал товар и весло подмигнул смущённой таким вниманием молодой. А продающая напротив мясника цветастые полushалки, румяная молодая красавица, увидев двух витязей, протянула им своё изделие с та-акой ясной улыбкой! Оба на мгновение забыли, где они и что тут делают.

Придя в себя, Акела дружески улыбнулся красавице, мельком подумав, что не мешало бы и Милёне привезти что-нибудь в этом роде. Вот только, когда его снова занесёт в те края? Не знал бывший капитан милиции, что где-то далеко неведомая рука уже перевела одну из многих стрелок на его жизненном пути.

– Красивые витязи, дайте ветхой старушонке заработать хотя бы медную денежку.

Тихий голос без всякого выражения заставил обоих обернуться. На них смотрела бабка-ворожея, в поношенной одежде и такая древняя на вид, что, как говорится, в чём только душа держится. Однако, молодо поблескивающие из под потёртого плата глаза, ярко контрастировавшие с морщинистым лицом, мешали поверить, что эта душа столь уж непрочна.

– Что ты хочешь от нас, бабушка? – вежливо спросил Барс, протягивая старушонке кусочек серебра. Акела,

не раздумывая, последовал его примеру.

– Помогите вам Сварог, удалцы, – принимая деньги, сурово молвила бабка. – Только не нищенка я, чтобы деньги даром брать. Позвольте, погадаю. Времени потеряете немного, а польза может быть великая, да и резаны ваши отработают.

– Да пожалуйста, – пожал плечами Акела. – Ты не против?

– А что такого, пусть. Руку дать?

– Не нужно. Я только посмотрю на вас, – мотнула головой старуха и вперила свой изумрудный взгляд в их лица. – У вас есть два друга, о которых вы давно не имели известий. Вы думаете, что они спокойно живут, ожидая вашего приезда, но это не так.

– Что с ними? – мгновенно напрягся Акела.

– Тот, кого числят в покойниках, брагу пьёт и баб любит, а другой по краешку идёт и сам этого не знает.

– А попонятнее нельзя сказать? – об голос Барса можно было калёные клинки править. Но, старуха его взгляд приняла бестрепетно.

– И рада бы, да не могу.

– Всё знаешь, а это нет?

– Ты, витязь, глазами на меня не сверкай. Что знала, сказала. Али, по-твоему, денежку твою не отработала? Так давай сдачи сдать, сколь скажешь.

– Прости, бабушка. Помогите тебе Дажьбог. Будем сами искать.

– То-то. Право, судари мои, я что могла – сказала, – скупю

усмехнулась старуха. – Погодите.

Оба обернулись.

– Возьмите, пригодится, – бабка протягивала им какую-то засушенную хвойную веточку, похожую на отросток туи.

– Исполать тебе, бабушка, – поклонился Акела, усвоивший уже, что в этом языческом мире слово «спасибо» никто не понимает. – А что делать с ней?

– Когда уже будете проезжать светловодский лес, на привале бросьте в костёр. А вон того мясника здорового видите?

Они повернулись – здоровый рыжий мясник был на прежнем месте.

– Видим, и что? ... Твою мать..., – растерянно выругался Акела. Бабки на прежнем месте не было, словно в воздухе растаяла.

– Да, – серьёзно сказал Барс., – Пошли, Борисыч, командировочные и проездные выписывать. Я так понимаю, что Клим во что-то крутое встрял.

– Пожалуй. Насчёт пьянки и баб – это скорее к Соловушке относится, – и оба спешно зашагали к дому Ставра.

...Боярин, против ожидания, возражать не стал.

– Поезжайте, витязи. Военская дружба – святое дело. Да и, к слову сказать, Кнез Великий сам покуда не знает, куда вас девать. Оставил он это, на моё усмотрение. Вот вам грамоты Великого Кнеза, с ними вас любой послушает, как если бы ему сам Бран указал. Выручите друга и все вместе ко мне. Много у меня с вами задумок связано, только вот время

не пришло.

– Помоги тебе Сварог, боярин, – поклонились друзья, принимая из рук Ставра грамоты и тяжёлые мошны с серебром.

– Ништо. А чтобы у меня за вас сердце лишний раз не болело, дам я вам двух витязей в дорогу.

– Это ещё зачем? – поморщился Барс.

– За нами, что ли, глядеть будут? – напрямую резанул Акела.

– Да если и поглядят, – усмехнулся боярин. – что в том плохого? Али задумали чего неладное?

Вот жехидный старикан! Одна улыбочка чего стоит.

– Не люблю чужих глаз, – устало сказал Акела. – В таких делах я должен каждому доверять.

– Да они не так чтобы очень уж и чужие, – Ставр подошёл к двери и открыл её. – Заходите, молодцы!

В комнату вошли... Серж с Малышом.

– Этих берете?

– Этих? Да запросто, – засмеялся довольный Барс, обмениваясь с ними рукопожатиями.

– Вот и ладно. Когда в дорогу?

– Да, пожалуй, что с утра. На ночь как-то не с руки.

– Тогда доброго пути, отдохайте, набирайтесь сил. А ты, – добавил он, обращаясь к Барсу. – До княжеского терема меня проводи.

Когда они ушли, Серж с Малышом тоже заторопились.

И в дорогу собраться надо, да и попрощаться кое с кем. В итоге, он остался в гордом одиночестве и от скуки принялся анализировать ситуацию.

Не придумав ничего умного, он крепко уснул.

Глава 4. «...Если есть там соловьи, все разбойники...»

*Разум мой не силен и не слишком глубок,
Чтобы замыслов Божьих распутать клубок.
Я молюсь и Аллаха понять не пытаюсь,
Сущность Бога способен постичь только Бог.
Омар Хайям, «Рубаи»*

Слава, грустно подперев ладонью щеку, смотрел в окно. Настроение было, как говаривал Борисыч, хреновато-задумчивое. Погода тоже не радовала. Какая-то серая хмарь, дождя нет, но и солнышко не шибко-то балует. Сама по себе жизнь в деревне его не угнетала. – деревенский он и по рождению и по жизни. Труд крестьянский был делом насквозь привычным. Хоть и времена другие и места, – дальше некуда (шутка сказать – другое измерение), а вилы, они и в Африке вилы.

Лето подошло к концу, в Грушевке началось время заготовок. Уже скошены хлеба, убраны репища, отлущили горох. С огородов убрана последняя морковь да редька, уложены и перестелены соломой румяные зимние яблоки. Наносили бабы да девки красные из лесу ягоду малину, сизую чернику, голубику с дымчатым налётом, не прошли и мимо боровой бруснички и алой клюковки. Насушена для пирогов клубни-

ка, земляника отварена в меду.

В погребах уже ждали своего часа кадушки с солёными рыжиками, исходили смородно-укропным духом крепкие грузочки. Бочки с квашеной капустой спущены сюда совсем недавно. – будут зимой и щи наваристые и, при случае, есть чем привести в порядок голову после праздничных возлияний.

Начиналось время охоты и рыбалки. Тоже ничего нового, разве что вместо привычной «тулки» двенадцатого калибра самострел, так кто им в детстве не баловался? А уж рыбалка здесь... Мужики сбивались в ватагу, всем гамузом начинали заготовку рыбы на всю деревню. Под большим навесом у дощатых столов ставили бочки и прямо из реки рыба потрошилась и укладывалась. По мере наполнения их развозили по домам на телегах. Мелочёвку, присолив, развешивали вялиться под крышей навеса. – будет зимой и наваристая юшка. И, что характерно, никакого тебе рыбнадзора.

Тихо плещет в берег речная вода и мысли Славкины текут столь же неторопливо. Женщина ему попалась душевная, вдова молодая Милолика. Намучилась без мужика, сапоги самому снять не даёт, ложку до рта донести. Ночами в кровати вся отдаётся, без остатка, так и стремится вся навстречу, как подсолнух на солнышко. Всё-таки в древности женщины были лучше. Испортила их эта, как её... эмансипация.

Хотя извечная женская слабость на передок и здесь

не в диковинку. Вот Васькина Любава. Всем баба хороша – и работающая и заботливая, одна беда – слово «нет» как в детстве не выучила. . . . Славка крякнул. Тоже оскоромился, чего уж там. Ваське как обычно – только шары залить, рождённый пить. . . всем известно.

Клим глянул в окно – солнечный свет ещё отливал красным, по деревне заперекликались петухи. То там, то тут стучали воротца, выгоняли хозяйки своих бурёнок, ночек и рыжух навстречу звуку рожка, на котором задорно наяривал седой дедок в холщовой рубахе с висящей через плечо торбой в небрежно накинутом кожушке, таком же древнем, как и хозяин.

Выходящие из дворов коровы мычанием приветствовали своего повелителя – огромного быка с мощными рогами, которого бестрепетно вёл за кованое кольцо в носу белобрысый семилетний пастушонок. Бугай признавал только его, благосклонно терпя разве что ещё деда-пастуха. Весьма известен он был и далеко за пределами веси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.